SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Ростислав Иванович Сементковский
  -
  - Предисловие
  - Глава I. Дидро как человек
  - Глава II. Дидро как редактор «Энциклопедии»
  - Глава III. Миросозерцание Дидро
  - Глава IV. Дидро и искусство
  - Глава V. Дидро и Екатерина II
  - Заключение
- notes
  - 1

Ростислав Иванович Сементковский Дени Дидро (1713–1784). Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк Р. И. Сементковского

С портретом Дидро, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Сила света обратно пропорциональна квадрату расстояния. Этот закон физики в общем оправдывается и в сфере распространения идей. Писатель обыкновенно сильнее всего действует на своих современников, но потомство забывает о нем. Такова участь громадного большинства писателей. Гении и крупные таланты, конечно, не забываются, но и их влияние на умы по большей части ослабевает по мере того, как мы от них удаляемся: их помнит наука больше, чем жизнь.

Дени Дидро принадлежит к числу тех немногих мыслителей, идеи которых, как бы некоторое время забытые, по прошествии приблизительно столетия воскресли с такой силой, что легли в основание мировоззрения почти всех образованных людей. При этом наблюдается еще следующее странное явление. Если бы средний русский интеллигентный человек в настоящее время перечитал сочинения знаменитого энциклопедиста, то он, вероятно, подумал бы, что над ним зло подшутили, что ему под видом сочинений Дидро подносят в слегка устаревшей форме взгляды, понятия, идеи, получившие лет сорок тому назад общее распространение среди русской интеллигенции и признаваемые ею основой своего миросозерцания. Это явление тем более поразительно, что, в сущности, сочинения Дидро мало у нас переводились и читались в прошлом (XVIII. – *Ред.)* столетии; многие из них хранились долгое время в рукописи и увидели свет божий лишь очень постепенно, в течение века с лишком после их написания. Всякий образованный человек у нас знает, что Дидро вместе с Д'Аламбером были основателями знаменитой «Энциклопедии», имевшей громадное влияние на умы в прошлом столетии, что Дидро, как и Вольтер, находился в близком общении с императрицей Екатериной II, что Дидро составил план системы народного образования для России. Этим приблизительно исчерпываются сведения среднего русского интеллигентного человека о Дидро. Если же зайдет речь о том, кто сильнее всего повлиял на наше миросозерцание, то, конечно, мы назовем и Бюхнера, и Молешота, и Конта, и Дарвина, и Бокля, и Милля, и многие другие знаменитые имена, но о Дидро забудем. А между тем именно идеи Дидро составляют истинную основу нашего миросозерцания, и можно даже смело утверждать, что из трудов перечисленных нами ученых, мыслителей и естествоиспытателей мы прочнее усвоили себе именно то, что содержится уже в трудах знаменитого энциклопедиста. Теоретические воззрения нашего общества долго отличались

большой неустойчивостью. Мы подчинялись многообразнейшим влияниям: увлекались вольтерьянством, масонством, сентиментализмом, гегельянством, романтизмом, но к середине нынешнего века все эти влияния были далеко отодвинуты на второй план и идеи Дидро безраздельно овладели умами, – овладели до такой степени, что без преувеличения можно сказать, что если Денис Фонвизин научил русское общество смеяться над своими недостатками, то его современник, Дени Дидро, дал русскому обществу миросозерцание наиболее прочное и устойчивое, в значительной степени сохраняющее свою силу до настоящего времени.

Не знаю, почему этот факт не обратил на себя внимания, но он бросается в глаза, и читатель убедится из дальнейшего нашего изложения в поразительном совпадении идей Дидро с широко распространенными у нас взглядами на науку, искусство, общественную и государственную жизнь. Вместе с тем подтвердится и то значение, которое мы придаем великому энциклопедисту в деле развития нашего общественного самосознания. Здесь же мы считаем нужным отметить только еще то сходство, которое существует между деятельностью Дидро и деятельностью светил нашей литературной критики, каковы Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и так далее. Мы имеем в виду не только поразительное сходство их миросозерцания с миросозерцанием великого их предшественника, заставляющее нас признать первых бессознательными учениками второго, но и сходство социальной роли, которая выпала французскому учителю и его русским ученикам. В лице Дени Дидро произошло пробуждение французской и общественной мысли в широком значении этого слова, то есть не мысли отдельного какого-нибудь кружка, а всего образованного общества. Дидро вышел из недр этого общества, из низшего его наслоения, – вышел на свет божий и с лихорадочной любознательностью старался все обнять, все осветить своим гениальным умом. Эта всепоглощающая любознательность была, однако, чувством не индивидуальным: он во все вникал, всему учился, все разбирал, подвергал критической оценке не только для себя одного. Он ясно сознавал, что работает для массы людей, стоящих за его спиною и точно так же, как и он, жаждущих знания, уяснения окружающего мира для непосредственной в нем деятельности. Старый общественный и государственный строй не сегодня-завтра должен был смениться другим: все это сознавали или чувствовали. Народился новый общественный класс, которому суждено было сыграть первенствующую роль в деле установления нового строя. И вот

этот общественный класс жадно всматривался в окружавшие его условия, подвергал их оценке, старался выработать определенное миросозерцание как опору для будущей своей деятельности. Тут какая-нибудь специализация на той или другой отрасли человеческой мысли или знания была невозможна: надо было все обнять, все продумать, чтобы во всем иметь твердую точку опоры. Этим объясняется громадное значение «Энциклопедии», этим определяется та роль, которую с таким блеском, с такой гениальностью сыграл Дени Дидро. Надо ли указывать на глубокую аналогию, существующую в этом отношении между французским учителем и русскими его учениками? У нас великим реформам царствования Александра II предшествовала такая же подготовительная работа. Общество начало сознавать, что ему предстоит более широкая роль в народной жизни, что оно призвано перейти от «прекраснодушничанья», как выражался Белинский, к непосредственной деятельности, и одновременно с этим оно с такою же любознательностью, с таким же критическим воодушевлением принялось пересматривать все устои человеческой мысли, человеческого знания: надо было подготовиться к непосредственной деятельности в жизни и найти для этого надежные точки опоры. Никто не станет отрицать, что как во Франции прошлого, так и в России истекающего столетия было много незрелого в этой лихорадочной работе общества, осознавшего, что час его настал, и спешившего вооружиться знаниями и надлежащей критикой, чтобы достойно сыграть выпавшую ему ответственную роль. Но в этом движении умов было и много искреннего энтузиазма, был и подъем духа, позволяющий людям возвыситься над мелкими своекорыстными стремлениями, предубеждениями, предрассудками, а следовательно, и приблизиться к общественной правде. Как бы ни колебалась мысль, как бы ни были разнообразны идеи и лозунги, какие бы ошибки ни были совершены, – горячее стремление искренно и самоотверженно служить своей стране многое искупает. Увлекался и Дени Дидро, но это не помешало установлению искренней, горячей дружбы между великим энциклопедистом и одной из величайших правительниц, императрицей Екатериной II. Екатерина чувствовала, если не отдавала себе ясного отчета, что сын лангрского ножевщика, безманерный, неспособный подчиниться светским правилам – эта пылкая голова, обращавшаяся фамильярно с властителями мира, – является общественной силой, воодушевлен народным благом, горячится, нарушает приличия исключительно под напором идей светлых, самоотверженных, которым принадлежит будущее. И Екатерина, устраняя увлечения, приняла к сердцу

многие советы французского разночинца: она окружила его заботливостью и попечениями, каких он ни от кого не дождался на родине. Дени же Дидро, заглянувший ей в душу, до последнего вздоха прославлял царицу, давшую ему возможность жить и трудиться для тех идей, которые он первый возвестил миру и которые с такой силой упрочились в русском обществе. В заключение мы приведем некоторые библиографические данные для тех, кто желал бы обстоятельнее познакомиться с жизнью и деятельностью знаменитого французского энциклопедиста. Наиболее полное собрание его сочинений вышло в конце семидесятых годов в 20 томах: «Oeuvres complètes de Diderot», Paris. 1875–1877. Из трудов, посвященных Дидро, мы отметим главнейшие, в которых заключаются и указания на все другие. Первое место тут занимает труд немца K. Rosenkranz'a «Diderot's Leben und Werke» (1866), затем следует назвать труд англичанина Джона Морлея «Дидро и энциклопедисты» (М., 1882). Из новейших трудов мы отметим только прекрасную книгу Ducros «Diderot» (1894); труд Reinach'a «Diderot» (1894), в собрании «Les grands écrivains français» Гашета, сравнительно слабее, а о книге Колиньона «Diderot» (1895) мы упоминаем только потому, что она подверглась обстоятельному сочувственному разбору в одном из наших журналов, хотя и не выдерживает никакого сравнения с трудами Рейнака и Дюкро. Из чисто биографических трудов заслуживает внимания только книга F. Génin'a «Vie de Diderot». Само собою разумеется, что для правильной оценки Дидро необходимо познакомиться и с общими трудами по истории и литературе, то есть со взглядами Карлейля, изложенными в его знаменитых «Опытах», Тэна («L'ancien régime»), Фагэ («Etudes sur le XVIII siècle»), Брюнетьера («Essays critiques»), Сент-Бёва («Portraits littéraires», «Causeries des lundi») и так далее. Самостоятельная наша литература о Дидро очень бедна, несмотря на большое значение энциклопедиста именно для России. Приходится только отметить специальную статью «Дидро и Лессинг» («Отечественные записки», 1868, № 1), затем опыт характеристики А. Веселовского «Дени Дидро» («Вестник Европы», 1884, № 10, № 11), статью Шугурова «Отношения Дидро к Екатерине II» («Восемнадцатый век», т. I, с. 257) и книгу г-на Бильбасова «Дидро в Петербурге». Переведены на русский язык только некоторые беллетристические произведения Дидро: «Чадолюбивый отец» (1765; 1788), история г-жи Помере из «Жака-фаталиста» (1796), «Племянник Рамо» в книге Морлея (1882), а также «Жизнь Ричардсона» (1803) и «Парадокс об актере».

Глава I. Дидро как человек

Детство Дидро. – Его отец. – Школа. – Первые шаги в жизни. – Дидро как представитель литературной богемы. – Женитьба. – Его отношение к жене. – Софи Воллан. – Друзья Дидро. – Его ссора с Руссо. – Гримм, Гольбах, г-жа Жоффрен и г-жа Неккер

Жизнь Дидро чрезвычайно богата внутренним содержанием, но, как жизнь громадного большинства кабинетных людей, не отличается внешним разнообразием. Если мы будем говорить о мыслителе, писателе, борце за идею, то нас невольно изумит лихорадочная деятельность Дидро, не знавшего отдыха, вечно писавшего, проповедовавшего, увлекавшегося, горевшего, а не жившего. Но если мы остановимся на внешней стороне деятельности Дидро, то факты его жизни могут быть исчерпаны немногими словами, и опять-таки главным фактом будет постепенное появление томов знаменитой «Энциклопедии», душою и главным создателем которой он был и которая служит свидетельством его изумительной деятельности как мыслителя, писателя и борца за идею.

Естественно, что при таких обстоятельствах, изучая жизнь Дидро, мы должны сосредоточиться преимущественно на его умственной деятельности и на гениальных его идеях, до сих пор господствующих в образованном обществе. Внешним же образом жизнь Дидро может быть подразделена на следующие периоды: молодость (вплоть до женитьбы, то есть с 1713 по 1743 год), литературная деятельность, в том числе и редактирование «Энциклопедии», вплоть до 1773 года, далее, поездка в Петербург, состоявшаяся именно в этом году и временно прервавшая его литературную деятельность, наконец, те десять лет, которые он еще прожил в Париже по возвращении из Петербурга до последовавшей в 1784 году кончины его. Из этих четырех периодов наиболее содержательными и интересными являются, конечно, второй и третий. Первый имеет для нас значение только в смысле изучения тех условий, которые влияли на формирование одного из гениальнейших умов прошлого столетия. Что же касается последних лет жизни Дидро, то они не только совершенно бесцветны с точки зрения биографических данных, но и довольно бессодержательны в идейном отношении. Дидро вернулся из своей поездки в Россию больной; его прежняя лихорадочная деятельность слабела; его жизненные силы,

подорванные неумеренным трудом, истощились; мощный его организм отказывался ему служить по-прежнему; он одряхлел, утратил свою жизнерадостность и предчувствовал скорый конец, которого ожидал, как истинный философ.

Мы только что упомянули о мощном организме Дидро. Действительно, жизненные его силы были несокрушимы. Он ежечасно подвергал свое здоровье тяжелому испытанию. В молодости он изведал бесконечные лишения, всю жизнь он работал как каторжник, но никогда в нем не было заметно усталости; напротив, с каждым днем он как бы возрождался для новой кипучей деятельности. Он работал и для себя, и для других, – для других больше, чем для себя. Он никогда не считал своей работы, как будто природа дала ему неисчерпаемый источник сил не только в смысле рабочей энергии, но и в смысле бесконечного запаса идей, – идей блестящих, поражавших своею новизной, иногда гениальных, пророческих. Дидро представляет собою ум феноменальный. Посмотрим теперь, где родился этот человек, в каких условиях он вырос, каким влияниям подвергался в молодости.

Дени Дидро увидел свет божий в Шампани (в нынешнем департаменте Верхней Марны), в городе Лангр, 24 сентября (5 октября) 1713 года. Сам Дидро шутил, что он унаследовал от своей родины свою необычайную впечатлительность ко всем течениям. «У жителей моей родины, – говаривал он, – голова походит на флюгарку, и это понятно, потому что тамошний климат очень непостоянен: в течение суток холод сменяется жарою, тихая погода – бурею». Правда, впечатлительность Дидро была изумительна, но вернее было бы сказать, что его ум походил на знаменитый напиток его родины, на шампанское, – так он всегда искрился, играл и пенился. Оставим, однако, эти сопоставления и обратимся к более серьезным влияниям, которые оказала родина на Дидро. Тут надо прежде всего иметь в виду его семью. В одной из своих статей, помещенных в «Энциклопедии», Дидро упоминает о том, что у его бабки было очень многочисленное потомство, не менее 22 детей. Это во всяком случае свидетельствует о необычайной крепости натуры. Отец Дидро был также человек здоровый, деятельный, энергичный. Он унаследовал свою профессию: семья Дидро с незапамятных времен посвятила себя производству ножей, ножниц и других тому подобных инструментов. Производство было, понятно, кустарное, и отец знаменитого философа был ножовщиком-кустарем. Конечно, он не походил на наших деревенских кустарей, а принадлежал к тем представителям ручного труда, которые сумели на Западе обогатить города, где жили, и вместе с

тем сильно содействовали успехам народного просвещения. Словом, Дидро-отец был одним из представителей мелкой городской буржуазии и в высокой степени обладал качествами, присущими этому общественному классу: выдержкой, трудолюбием, семейственностью, склонностью к образованию, непритязательностью, воздержанностью. Он, несомненно, имел сильное влияние на своего знаменитого сына, который о матери своей почти не упоминает, но с большой любовью отзывается о своем отце, хотя, будучи еще молодым человеком, почти совершенно с ним рассорился. Мы и из других источников знаем, что старший Дидро был примерным во всех отношениях отцом, работником и человеком. Когда Дидро-сын через несколько лет после смерти своего отца, уже будучи известным писателем, посетил родину и встретился на улице с одним своим прежним знакомым, тот ему сказал: «Вы хороший человек, господин Дидро, но если думаете когда-нибудь сравняться с вашим отцом, то сильно ошибаетесь». Такого высокого мнения о Дидро-отце были все знавшие его. Его правдивость, честность внушали к нему общее уважение; кроме того, он готов был оказать всякую помощь и советом, и делом. Дочь его так страстно его любила, что отказалась от замужества, чтобы остаться при нем и ухаживать за ним под старость. Сам Дидро отзывался о нем следующим образом: «Несомненно, отец внушает совершенно особенное чувство к себе, какого не внушает ни один человек». Только брат Дени, посвятивший себя духовному званию, не разделял этого общего чувства уважения и любви. Дело в том, что Дидро-отец не отличался религиозностью, хоть и проявлял в этом отношении большую терпимость к другим. Но сын такою терпимостью не отличался и ставил в грех не только отцу, но и брату их свободомыслие.

Кроме того, мы знаем еще, что Дидро-отец был прекрасным рассказчиком. Когда он после дневных трудов садился в свое большое кресло, не только члены семьи, но и соседи нередко собирались, чтобы послушать его рассказы, всегда свидетельствовавшие о большом уме и житейском опыте. Как мы увидим впоследствии, Дени многое унаследовал от своего отца и как человек живо напоминал его в некоторых отношениях.

Но самостоятельность Дени проявилась уже очень рано. Дидро-отец мечтал о карьере для обоих своих сыновей. Прежде всего он старался дать им по возможности тщательное образование. Где его можно было тогда получить? Понятно, только у духовенства, в школе иезуитов; и вот оба брата были определены именно в такую школу. Но младший, менее одаренный от природы, всецело подчинился влиянию иезуитов;

старший же, Дени, чувствовал себя в иезуитской школе очень нехорошо и в один прекрасный день объявил отцу, что больше учиться не хочет. Отец не настаивал. «Значит, ты хочешь быть ножовщиком», – заметил он и на следующий день дал сыну работу. За что, однако, Дени ни принимался, он только все портил и, убедившись в этом, заявил отцу, что в школе все-таки лучше, собрал книги и снова отправился к иезуитам. Те были очень рады возвращению даровитого ученика. Они, к чести своей, сразу поняли, что Дени – необыкновенный ребенок, и во что бы то ни стало хотели воспользоваться им для своих целей, а так как Дени проявлял и самостоятельность, и непостоянство, то они решили сжечь за ним корабли, иными словами, убедили его покинуть отчий дом и тайно уехать в другую местность. Но отец проведал об этом; в душе он решил, что одного аббата в семье достаточно, и поэтому, когда Дени вернулся домой, ничего не сказав ему, положил ключ от наружной двери к себе в карман. Когда же сын в полночь хотел уйти из дому, отец окликнул его и спросил: «Куда ты так поздно собираешься?» «В Париж», – ответил Дени. «Хорошо, ты туда поедешь, но завтра; а пока ложись спать». И на другой день он действительно взял два места в дилижансе, для себя и для сына, поехал в Париж и определил Дени – только не к иезуитам, а в известную Гаркурскую коллегию. Две недели проскучал старик, оторванный от своих обычных занятий, в Париже и только когда убедился, что сын доволен учителями и товарищами, пустился в обратный путь. Дени был глубоко тронут этим вниманием отца; тот же решил сделать из него адвоката.

О пребывании Дени в парижском училище мы знаем очень мало. Но вот факт довольно характерный. Вскоре после поступления в коллегию он подвергся наказанию за то, что помог другому ученику подготовить урок. Мы видим, следовательно, что Дени сразу опередил своих товарищей и что, кроме того, он уже здесь поступал так, как поступал потом всю свою жизнь, то есть, не щадя себя, помогал другим в их умственной работе: впоследствии все черпали из сокровищницы его знаний и идей, в том числе такие умы, как Руссо.

Но вот Дени кончил курс, и надо было подумать об избрании профессии. Отец настаивал, чтобы он сделался юристом, и определил его в канцелярию к одному из парижских адвокатов. Самостоятельность ума и наклонности Дидро проявились тут уже с полной силой, хотя ему было тогда всего семнадцать лет. Вместо того чтобы заниматься делами своего патрона, он изучал математику, которую страстно любил, языки – латинский, греческий, итальянский и английский. Понятно, что это не могло остаться незамеченным. Патрон писал неоднократно отцу, что его

сын занимается всем, чем угодно, только не правом. Старик Дидро поручил ему серьезно поговорить с Дени. Но все увещания ни к чему не привели. Молодой Дени выслушивал нотации и опять принимался за свои любимые занятия. Это длилось очень долго. Очевидно, и старик Дидро, и патрон молодого Дени проявили большое терпение. Но всему есть конец. Адвокат обратился к нему в последний раз с предложением либо заняться делом, либо оставить его канцелярию. «Если я вас уволю, что вы будете делать? Ведь вам все равно придется избрать какую-нибудь профессию», – увещевал он Дени. Но тот ответил: «К чему избирать профессию? Мне и так хорошо. Я вполне доволен. Люблю учиться, и мне больше ничего не нужно». Патрона Дени чрезвычайно удивила эта житейская неопытность; он расхохотался, не подозревая, конечно, что молодому человеку и без всякой профессии удастся проложить себе дорогу в жизни, составить состояние, достигнуть всемирной славы и удостоиться благосклонной дружбы царей. В то время, однако, жить без всякой профессии казалось безумием. Так взглянул на дело и старик Дидро. Поведение сына его сильно раздражило. Он лишил его всяких денежных средств, заявив, что не понимает, как человек может жить, не принося обществу пользы. Таким образом, молодой Дидро оказался выброшенным на улицу.

Сильна была в нем, конечно, страсть к научным занятиям, если он решился порвать с любимым отцом и обречь себя на нищету. Дидро был одним из первых представителей так называемой литературной богемы. Чем он жил в течение многих лет, известно одному Богу. Мы знаем, например, что он давал частные уроки, но доход с них был более чем скудный, потому что Дидро имел странную манеру заниматься со своими учениками. Попадался ему ученик даровитый, хотя бы и такой же бедняк, как он сам, – он просиживал с ним целые дни, а с бездарным учеником, каковы бы ни были его средства, он немедленно расставался. Дела его иногда принимали такой оборот, что приходилось просто голодать. Как-то раз он вздумал остепениться и поступил домашним учителем к денежному человеку, очень богатому финансисту. Тот предложил ему блестящие условия: готовое помещение, стол и 1500 франков в год. Дидро пробыл у финансиста три месяца и затем явился к нему с просьбою об увольнении. Тот ничего не понял. «Разве вам не хорошо? – спросил он. – Может быть, вам стол не нравится? Прикажите повару готовить все, что вам угодно. Может быть, вам комната не по вкусу? Выбирайте любую в моей квартире. Или жалованья вам мало? Я его удвою. Словом, я готов сделать все, что в моих силах, чтобы вас удержать». Дидро ответил: «Мне так

хорошо у вас в доме, что лучшего я и желать не могу: и комнатою, и столом я свыше всякой меры доволен. Денег у меня гораздо больше, чем мне нужно. Но взгляните на меня: на мне ведь лица нет. Я делаю из ваших ребят людей, но сам опускаюсь в умственном отношении, сам становлюсь ребенком. Я умираю у вас, а умереть я не хочу». И Дидро покинул богатый дом и почувствовал себя счастливым, когда вернулся в одну из своих мансард, где было и холодно, и голодно, но где он пользовался неограниченной свободой. Однако надо было жить, то есть зарабатывать хлеб насущный. Иногда Дидро падал духом, на него находило мрачное отчаяние; но в то же время он проявлял большую изобретательность в приискании источников дохода: он делал переводы для издателей, писал проповеди для духовных особ и даже пастырские послания для епископов. Иногда голод заставлял его добывать деньги не совсем чистыми средствами. Так, он познакомился с одним монахом, который охотно давал деньги лицам, желавшим поступить в монастырь босоногих кармелитов. К этому монаху Дидро неоднократно обращался, заверяя его в твердой своей решимости посвятить себя иноческой жизни, и выманил у него изрядное количество денег, пока тот не догадался, в чем, собственно, дело. Но такие легковерные монахи встречались нечасто, и Дидро приходилось по-прежнему голодать. Однажды на масленице он, встав утром, вспомнил, что у него нет ни одного су; значит, весь день придется ничего не есть. Чтобы подавить ощущение голода, он отправился гулять. Гулял он целый день, размышляя о превратностях своей судьбы, и только под вечер вернулся домой, чтобы забыться сном. Но у самого дома силы ему изменили: он лишился чувств; кто-то догадался, в чем дело, и дал ему поесть. «В этот вечер, – говорил он своей дочери, г-же Вандейль, которая сообщает об этом факте в своих мемуарах, – я поклялся, что, когда у меня будут средства, я никогда не буду отказывать неимущему и скорее все отдам, чем подвергну ближнего такому тяжелому испытанию». Дочь его прибавляет, что он всю жизнь свято хранил это обещание.

Так прожил Дидро целых десять лет и даже больше, потому что и после женитьбы денежные его дела не сразу поправились. Правда, его потребности были очень ограниченны: одевался он небрежно, носил из года в год серый плюшевый сюртук с разорванными рукавами и черные шерстяные чулки, заштопанные белыми нитками, за обед платил пять су, жил где попало, а когда собственного помещения не было, ночевал у своих друзей, которых у него было очень много, по большей части таких же бедняков, как он сам. Знакомства водил он со всякого рода людьми и часто попадал в очень дурную компанию. Последнее,

конечно, до известной степени отразилось на нем, хотя ум и характер у него были слишком независимые, чтобы влияние это могло оказаться пагубным. Но испытанная им нужда и беспорядочная жизнь, которую он вел так долго, несомненно, повлияли на него невыгодно и до известной степени разрушили его семейное счастье, так как и женился-то он, желая временно избавиться от мучительного чувства голода, особенно для него тягостного, потому что он обладал цветущим здоровьем, а вместе с тем и необыкновенным аппетитом.

История его женитьбы очень интересна. Дидро нанял комнату в доме, где жила белошвейка со своей дочерью. Дочь эта, недавно вышедшая из монастырской школы, понравилась нашему тогда еще весьма легкомысленному философу. Но мать, г-жа Шампьон, вдова обанкротившегося ремесленника, очень зорко следила за дочерью, не менее зорко, чем за ней следили в монастыре, так что Дидро редко приходилось встречаться с предметом своей страсти. И вот, чтобы добиться более частых свиданий, он прибег к той же уловке, что и с монахом в рассказанном нами случае, то есть уверил мать, что намерен поступить в духовное звание и что ему нужно экипироваться. Дидро заказал белошвейке белье и наблюдал за исполнением заказа. С этой целью он ежедневно приходил вечером к двум женщинам и благодаря своему красноречию и остроумию влюбил в себя молодую девушку. Мать настаивала на браке и требовала, чтобы он заручился согласием своих родителей. Но отец Дени и слышать не хотел о браке своего непокорного и легкомысленного сына. Тогда и мать с дочерью ему отказали. Песенка Дидро, таким образом, была у них спета. Но он не так легко сдавался, давно научившись прибегать к разным уловкам. На этот раз он вдруг занемог, чем и разжалобил сердобольных женщин, которые не могли примириться с мыслью, что он во время болезни останется без бульона. Они так усердно ухаживали за ним, что тотчас после его выздоровления, в конце 1743 года, состоялся его брак с Анной Шампьон. Обряд венчания совершен был тайно, в полночь.

Для Дидро началась новая жизнь, если возможно, еще более неприглядная. Хотя ему стукнуло уже 30 лет, но он не остепенился: пылкость своих чувств он сохранил до конца жизни, и проявилась она в данном случае в чрезмерной ревности. Он никак не хотел допустить, чтобы его жена продолжала держать белошвейню и ежедневно встречалась с разными посетителями. У матери жены были, правда, некоторые сбережения, но самые ничтожные; к тому же она вскоре умерла, и Дидро пришлось самому заботиться о средствах существования. Надо сказать, что он энергично принялся за дело, меньше занимался для себя и

больше переводил для разных издателей. Но вознаграждение он получал скудное, и только благодаря большой бережливости жены удавалось сводить концы с концами. Брак Дидро не принадлежал к числу счастливых. Хотя он сам говаривал, что хорошею женою может быть только хорошая кухарка, а не ученая женщина, однако он видимо тяготился обществом своей жены и очень скоро после женитьбы изменил ей. Отчасти вследствие тяжелых материальных обстоятельств, отчасти же из любви к отцу он желал во что бы то ни стало примирить его со своей женой и в один прекрасный день взял для нее с ребенком место в дилижансе и отправил их в Лангр. «Она уехала вчера, – писал он отцу, – и будет у вас через три дня; вы скажете ей все, что вам заблагорассудится, а когда она вам наскучит, вы пришлете ее ко мне обратно». Дело обошлось благополучно: отец полюбил свою невестку и осыпал ее ласками и подарками; она прогостила в Лангре три месяца, а тем временем муж ей изменил. Случилось это в 1745 году, то есть по прошествии двух лет после свадьбы.

Этот факт нельзя обойти молчанием, как нельзя не упомянуть и о том, что Дидро очень скоро расстался и с предметом второй своей страсти, хотя и не по собственной вине. Г-жа Пюизьё, жена адвоката, была женщина хотя и ученая (она при содействии Дидро написала целое исследование о характерах, напечатанное в 1751 году), но в отношениях с мужчинами несколько легкомысленная. Когда Дидро был посажен в венсенскую тюрьму, где г-жа Пюизьё его навещала, он заметил однажды, что она как-то особенно принарядилась; у него возникло подозрение, ему удалось отлучиться из тюрьмы, он проследил свою любовницу, застал ее в обществе какого-то ухаживателя и тотчас же порвал с нею связь. В числе женщин, с которыми он поддерживал интимные сношения, называют еще г-жу Прюнево. Но заметим, что прочная связь у него установилась только с Софи Воллан. Связь эта продолжалась без малого 30 лет, то есть с 1755 по 1784 год. Отношения Дидро к его Софи отличались таким задушевным, искренним, подчас возвышенным характером, что без преувеличения г-жу Воллан можно назвать истинной и единственной подругой жизни знаменитого энциклопедиста. В своей жене он разочаровался, как разочаровался и в г-же Пюизьё, хотя и по совершенно различным причинам. Связь с г-жою Прюнево в счет не идет, потому что эта любовь отцвела раньше, чем успела расцвесть. Таким образом, чтобы уяснить себе, как Дидро относился к женщинам, мы должны принять во внимание только его отношения к жене и к г-же Воллан. В своих сочинениях он нередко высказывался в том смысле, что любовь должна быть свободна, что она не терпит

никакого принуждения и тем более насилия, что она должна подчиняться исключительно природе, то есть нашим наклонностям: если мы разлюбили женщину, то имеем право с нею расстаться. Таков был теоретический взгляд Дидро. На практике же он не расстался с женою до самой смерти, а в единственной, возвышенной, почти идеальной любви к Софи Воллан оставался верным предмету своей страсти в течение 30 лет, то есть со дня знакомства с нею и опять-таки до гроба. Практика у Дидро не сходилась с теорией, и если сравнить его с его знаменитым другом Жан-Жаком Руссо, который, когда это ему показалось удобным, бросил и жену, и детей, получавших ежегодное вспомоществование от Дидро, даже когда бывшие пламенные друзья сделались столь же пламенными врагами, если, кроме того, принять во внимание необычайную развращенность нравов той эпохи, в которой жил знаменитый энциклопедист, то мы должны будем признать, что нравственный закон имел для него несомненную силу. Его отношения к жене были очень сложны: он испытывал чувство глубокой благодарности за ее попечения и любовь к нему, но душевного общения между ними не было. Г-жа Дидро была женщина семейственная, домовитая, религиозная. Она была прекрасная хозяйка и неусыпно заботилась о внешнем благополучии своего мужа и своей дочери. Но ко всем идеям Дидро, к его напряженной умственной работе, к тому, что составляло его славу, в чем он полагал весь интерес своей жизни, на что тратил все душевные свои силы, она оставалась равнодушной. Она была, как мы заметили, религиозна. Вольнодумство Дидро ее глубоко огорчало. У нее было столько такта, что она не навязывала своих религиозных убеждений мужу, даже всячески его ограждала от назойливости духовенства, но сочувствовать ему она не могла. Много жертв она ему приносила еще тогда, когда они жили в нищете, когда она отказывалась от последних денег, чтобы доставлять ему отдых и развлечение. Но гениальный ум Дидро, подчинивший себе почти всю Европу, не мог подчинить жену: она сохранила свои взгляды, свои убеждения, не имевшие ничего общего со взглядами и убеждениями знаменитого философа. Он любил называть себя Сократом, намекая на то, что жена его – Ксантиппа. И действительно, г-жа Дидро по временам бывала очень бурна. Так, сохранились сведения, что она собственноручно наказывала строптивых служанок; но известно также, что она вступала в рукопашную с торговками, когда они обижали детей. Сердце у нее было доброе, и мужа она горячо любила, но тем не менее душевно сойтись супруги никогда не могли; сам Дидро также был человек очень добрый, но ум его обнимал такие

пространства, в которых г-жа Дидро терялась, которых она страшилась, предпочитая оставаться верной тому, что она унаследовала от своих родителей и предков.

При таких условиях Дидро не мог найти себе удовлетворения в собственном доме, и когда он встретился с женщиной, способной понять и оценить то, что было для него дороже всего в жизни, он воспылал к ней любовью, такой пламенной любовью, что в своих чувствах к другим женщинам навсегда остепенился. Чрезвычайно характерен тот факт, что биографы не могут в точности определить, каковы были отношения Дидро с его Софи. Многие склоняются в пользу мнения, что это были отношения чисто платонические; другие – кажется с большим основанием – утверждают, что о чисто платонических отношениях не может быть и речи. Но как бы то ни было, мы можем составить себе довольно ясное понятие о характере этих отношений из писем Дидро к его Софи. Эти письма являются любовной поэмой в лучшем значении этого слова, – столько в них возвышенной страсти, огня, преданности, деликатности, понимания тончайших изгибов души. Он сам отзывается о своей любви следующим образом: «Мой дом может развалиться, я могу утратить свободу, здоровье, подвергнуться всяким несчастиям, но я не буду жаловаться, если только сохраню ее. Если бы она мне сказала: „Я хочу пить твою кровь“ – я умер бы, но отдал бы ей всю кровь до последней капли!» Так говорил Дидро о своих чувствах к Софи Воллан в письме к своему другу Фальконе. К сожалению, о самой Софи не сохранилось почти никаких известий. Мы знаем только, что отец ее был откупщик, что она жила то в деревне, в окрестностях Витри, то в Париже, по соседству со знаменитым Гриммом, также другом Дидро, что она любила почитывать Гельвеция и умерла пятью месяцами раньше Дидро. Из всех этих сведений наиболее характерно, конечно, ее пристрастие к Гельвецию. В этом отношении между нею и женою Дидро была большая разница, подтверждающая вышеуказанные соображения о характере его отношений к обеим женщинам. Но лучшим свидетельством тут являются письма Дидро к его Софи, вопросы, которые он в них затрагивает. Эти письма могли быть адресованы только очень образованной женщине, достойной подруге великого энциклопедиста.

Мы должны еще коснуться отношения Дидро к дочери. Он несомненно ее любил, и, как видно из ее мемуаров, она платила ему тем же. Но любовь эта была, конечно, условная. Не следует никогда забывать, что такие люди, как Дидро, то есть находящие главное свое наслаждение в умственном труде, могут серьезно любить только то, что имеет более или менее близкое отношение

к этому труду. Дидро любил по-своему и свою жену, но даже будучи дома, он, собственно, никогда не был дома: ум его витал в мире идей, а сердце было с теми, кто принимал участие в кипучей деятельности его ума. Когда он не мог говорить со своими друзьями, с Руссо, Кондильяком, Гриммом, Гольбахом, или со своей Софи, он писал, заносил на бумагу мысли, которые не мог высказывать устно. Поэтому неудивительно, что, несмотря на любовь к дочери, он уделял ей вначале, в сущности, очень мало внимания: ребенок, конечно, не мог воспринимать отвлеченные его идеи, и нам кажется несправедливым, что некоторые биографы великого энциклопедиста, особенно такой трезвый критик, каким является Дюкро, ставят Дидро в вину его склонность уходить из дому к друзьям, как только обстоятельства это позволяли. В обществе своих друзей он жил для того, что больше всего любил на свете. А если бы он меньше любил идею, то, вероятно, несмотря на все свои способности, не сделался бы одним из величайших мыслителей XVIII века. Как он любил идею, видно из того, что он мог провести столько лет почти в нищете, поставить на карту свои дружеские отношения к отцу, которыми он сильно дорожил, – словом, об этом свидетельствует все, что мы до сих пор сообщили о жизни Дидро. Понятно, что при таком настроении, при таком складе ума и сердца и отношения к дочери складывались однородно. Он горячо любил ее, но еще больше – идею. Но как только дочь стала жить более сознательной жизнью, то есть интересоваться идеями отца, он тотчас же принялся содействовать ее умственному развитию. Кипучая деятельность его постоянно отвлекала, но он пользовался и обеденным временем, и прогулкою, чтобы познакомить ее со своей нравственной философией. Странные лекции пришлось выслушивать пятнадцатилетней Анжелике от ее отца. Он ее знакомил со всем списком добродетелей, а затем и пороков. Говоря о сладострастии, он указывал ей на женолюбца, чахоточного и удрученного болезнями, которые излечиваются только в ущерб остальному организму, причем, возвращаясь домой, демонстрировал эти болезни на рисунках «Энциклопедии». В таком раннем возрасте отец сам объяснял дочери различие между полами и законы материнства. Таким образом, она уже очень рано могла читать «Кандида» и от души хохотала над тем, как Панглос дает в роще Паетте уроки экспериментальной физики. Словом, отец раскрывал дочери всю истину и, вероятно, проповедовал ей, согласно со своей теорией, что природа является верховным законодателем, что нарушать ее законы нельзя безнаказанно. Но и тут живой пример отца, его любовное отношение к дочери, непосредственность и чистота его

чувства предохраняли дочь от всяких увлечений. Проповедуя, с одной стороны, свободную любовь, он, с другой стороны, так ей толковал слащавые речи, которые произносят молодые люди: «Это значит, барышня, что если вы признаете возможным забыть ради меня принципы нравственности, пожертвовать вашей репутацией, повергнуть в безысходное горе вашего отца и вашу мать, а мне доставить четверть часа большого удовольствия, то я буду глубоко вам благодарен». Когда она подросла и когда, благодаря содействию Дидро, в Париже открылись первые публичные медицинские курсы для женщин, он посылал ее на эти курсы, а сам посещал параллельные курсы для мужчин. Но об этих курсах у нас речь впереди. Чтобы полнее охарактеризовать Дидро как человека, мы остановимся еще на его отношениях с друзьями. Мы увидим впоследствии, что в нравственной философии Дидро слышались уже глухие раскаты грозного принципа борьбы за существование. Главные посылки, необходимые для этого вывода, уже были им установлены. Но в своих отношениях к друзьям и людям вообще он был очень далек от практического осуществления предчувствуемой им истины. Напротив, он часто жертвовал собой для друзей и не реже приходил на помощь всем нуждающимся. В этом отношении безбожник Дидро и набожная Туанета, его жена, вполне сходились. Тем более нас может поразить, что между Дидро и Руссо произошла знаменитая ссора, которая наделала столько шума в Европе. После 17-летней дружбы между ними произошел окончательный разрыв. Руссо был многим обязан Дидро. Приехав в Париж, он постоянно находился в обществе своего друга, в значительной степени способствовавшего пробуждению его сильного ума. Мы не станем повторять здесь уверений некоторых биографов, будто бы Дидро внушил своему другу идеи, изложенные им в знаменитом ответе на вопросы, предложенные Дижонской академией. Напротив, трудно согласиться с этим мнением, потому что Дидро менее всего мог защищать мысль, что наука, знания и образование понижают уровень нравственности. Он слишком высоко ценил науку, чтобы приписать ей пагубное влияние на нравственность, и если он восставал против общественного строя, то, конечно, не для того, чтобы вернуться к первичным временам, золотому веку мнимой непорочности, мнимого благополучия, вызванного душевной и умственной простотой. Взор Дидро был постоянно устремлен в будущее: он смотрел вперед, а не назад; он верил, что знание спасет человечество, что разум – верховная сила, которая все излечит, все устроит к лучшему. Он видел в окружающих его условиях не излишек цивилизации, а наоборот, недостаток ее. Поэтому он

никогда не ответил бы на вопросы Дижонской академии так, как ответил Руссо, правда, также проповедовавший возврат к природе, но боготворивший в ней не разум, а чувство. Как бы то ни было, Руссо находился в постоянном общении с Дидро, не уставал слушать его восторженные речи, и не подлежит никакому сомнению, что эти речи возбудили в нем не одну мысль и послужили толчком к тому, чтобы сделать из него великого мыслителя. Ссора произошла много лет спустя. Кто же в ней виноват? Разобраться в этом вопросе не в состоянии даже лица, наиболее близкие к обоим мыслителям, – так эта ссора запутана, хотя и возникла по пустому поводу. Но одно представляется несомненным: Дидро, кроме Руссо, не потерял ни одного друга в жизни, а Руссо растерял всех своих друзей. Надо ли нам указывать еще на общительность, доброту, жизнерадостность Дени и на нелюдимость, озлобленность, человеконенавистничество Жан-Жака? Если принять во внимание эти факты, то трудно будет обвинить Дидро, хотя мы в обстоятельствах дела разобраться можем еще менее, чем современники и друзья двух великих мыслителей XVIII века.

Дидро был вспыльчив, но и очень отходчив. Долго питать к кому-либо злобу он решительно не мог. Стоя во главе «Энциклопедии», он имел более или менее близкие сношения со множеством людей и со всеми уживался, уживался даже с издателями, которые портили ему жизнь, обезображивая статьи своими мелкими и подчас невыносимыми придирками. Мы сейчас увидим, до какой степени Дидро, несмотря на пылкий свой нрав, умел жить для главной своей жизненной задачи, принося ей в жертву то, что ему было так дорого: свободу мысли, свободу слова. Значит, несмотря на всю свою экспансивность, он умел владеть собой в серьезных вопросах. Не будь этого, он никогда не довел бы до конца обессмертившей его имя «Энциклопедии», потому что со всех сторон этому предприятию угрожали опасности. Почти тридцать лет своей жизни он посвятил этому любимому своему детищу, в то время как другие спешили от него отречься, опасаясь борьбы. Но Дидро выдержал до конца, потому что он в «Энциклопедии», хотя, быть может, и не вполне сознательно, нашел то, к чему преимущественно стремилась его душа. Понять и объяснить другим все нас окружающее, придать смысл жизни и деятельности, обнять проснувшимся умом все разнообразие явлений, занять сознательное место в природе, обществе, государстве– вот к чему стремился Дидро. И все, что соответствовало этому основному стремлению его души, он любил и ценил. И друзей он выбирал соответственно. Охотнее всего он бывал в доме своего задушевнейшего друга Гримма и в

доме другого офранцуженного немца, барона Гольбаха. Оба они, и Гримм, и Гольбах, интересовались преимущественно литературой и философией. Может быть, они оба несколько злоупотребляли любезностью Дидро, пользовались неумеренно его сотрудничеством, его бойким пером и неисчерпаемой сокровищницей идей: Гримм – для своей «Литературной корреспонденции», а Гольбах – для своей «Системы природы». И в том, и в другом труде слишком заметны следы стиля и творчества Дидро, чтобы его сотрудничество могло быть оспариваемо. Но и Дидро находил в доме своих друзей много для себя привлекательного. Хозяева относились к нему с искренним расположением, всячески старались сделать его пребывание у себя приятным. Оба были людьми с большими знаниями, ходячими библиотеками по занимавшим их вопросам. Какую бы теорию Дидро ни изобрел в гениальном полете своей мысли, Гримм приискивал ему данные, факты для ее подкрепления.

Но не только умственное общение делало для Дидро его пребывание в обществе этих двух друзей особенно привлекательным. У себя дома он был постоянно завален работой и не имел ни минуты отдыха; в доме Гримма или Гольбаха он чувствовал себя совершенно свободным, делал что вздумается, болтал, играл в шахматы, занимался или писал письма своей Софи, блуждал по парку и полям, подолгу беседовал с крестьянами, у которых, как он говорил, всегда чему-нибудь да научишься, вдыхал свежий воздух лугов и лесов, которого лишен был в душном Париже. Кроме того, Гримм давал ему нередко практические советы и указания, сдерживая его страстную и порывистую натуру, подчиняя ее немецкой методичности. Несомненно, Гримм многим обязан Дидро, но и последний не менее обязан Гримму.

Этими двумя домами, в сущности, исчерпываются близкие знакомства Дидро. Он, правда, был частым гостем в знаменитых салонах г-жи Жоффрен и г-жи Неккер, но только гостем. Тут дорожили его остроумием, пламенным красноречием, но взамен ему давали сравнительно мало. Правда, это были блестящие салоны, в которых собирался цвет французской интеллигенции, в особенности салон г-жи Жоффрен – «настоящая энциклопедия в лицах», как выразился Сент-Бёв. Но г-жа Жоффрен была сама сдержанна и заставляла сдерживаться других, а г-жа Неккер хотя и предоставляла свободу собеседникам, но в религиозных вопросах проявляла большую щекотливость. Так, например, известно, что однажды, когда друг Дидро, Гримм, позволил себе некоторое вольнодумство, г-жа Неккер расплакалась. Однако Дидро сдружился с обеими светскими дамами, впоследствии

находился с ними в переписке, много беседовал с ними наедине, и они, несомненно, имели на него влияние своим тонким умом, тактом и дружеским к нему расположением. Итак, мы видим, что Дидро жил в обстановке и среди людей, вполне благоприятствовавших его работам; и в материальном отношении он был более или менее обеспечен, с тех пор как возник план издания «Энциклопедии». По крайней мере нужды он больше не испытывал. Таким образом, после пятнадцати лет скитальческой жизни для Дидро настало время хотя и очень тревожного, но определенного труда, имевшего ясную цель и такого успешного, каким редко бывал труд человека. В течение пятнадцати лет Дидро готовился к осуществлению главной своей жизненной задачи. В нем преобладала одна страсть: все узнать, все изучить. Не было отрасли знания, с которой он не жаждал бы познакомиться. Недаром современники его называли пантофилом, всезнающим. Он действительно был одинаково хорошо знаком и с классическою древностью, и со всеми философскими системами, и с естественными науками, и с математикою, техническими производствами, ремеслами. Конечно, только благодаря необычайным умственным способностям он мог овладеть всеми отраслями человеческого знания настолько, что каждую из них обогатил гениальною мыслью или блестящим указанием, но даже если бы не было проявлений такой необычайной одаренности, Дидро тем не менее, оставил бы глубокий след в развитии европейской мысли тем, что он, все обняв своим умом, подвел, так сказать, итог всем человеческим знаниям, а вместе с тем и выяснил, над чем надо трудиться будущим поколениям. Если первые пятнадцать лет его вполне сознательной жизни были посвящены подготовке к роли редактора «Энциклопедии», то дружба с Гриммом, Гольбахом, Руссо, Кондильяком дала ему возможность сгруппировать вокруг «Энциклопедии» все светила тогдашней Франции, объединив их в одном несомненно великом деле.

Но прежде чем перейти к деятельности Дидро как редактора «Энциклопедии», мы не можем не привести следующего отрывка, прекрасно его характеризующего в его общении с людьми. Его посещает молодой литератор, и вот как он описывает свой визит к великому энциклопедисту: «Я вхожу в его комнату, и он нисколько не удивлен моему посещению. Он избавляет меня от труда объяснить ему цель моего прихода: очевидно, почтение, выразившееся на моем лице, ему все раскрыло. Равным образом он избавляет меня от труда постепенно перейти к литературным вопросам. При первом же намеке он встает, устремляет на меня свой взор, но меня уже не видит. Он начинает говорить, но сперва

так тихо и быстро, что я ничего не могу разобрать. Я тотчас же убеждаюсь, что мне придется ограничиться ролью слушателя, и охотно принимаю ее на себя. Мало-помалу его голос повышается, становится ясным и звучным. Сперва он стоял неподвижно, теперь начинает усиленно жестикулировать. Мы еще никогда с ним не встречались, но когда мы встаем, он меня обнимает, когда мы сидим – хлопает по моей ляжке, словно по своей. Если я заикнусь о законе, у него тотчас же готов целый законодательный план. Если я обмолвлюсь словом „театр“ – он предлагает мне пять или шесть планов драм или трагедий. Тут же он вспоминает, что Тацит – величайший художник древности, и декламирует мне отрывки из его сочинений. Как ужасно, что варвары похоронили под красой древнего зодчества столько сочинений этого великого писателя! Он сокрушается об утрате этих произведений. О, если бы при раскопках найдена была хоть часть их! При этой мысли он приходит в неописанную радость. Но невежественные руки, извлекая рукописи из-под обломков, часто их уничтожают. И вот он, словно настоящий специалист, объясняет мне, как следует умело приниматься за раскопки. Затем он вспоминает о том, как афинская цивилизация смягчила жестокие нравы завоевателей мира. Он переносится в счастливые дни Лелия и Сципионов, когда побежденные нации сами с удовольствием принимали участие в празднествах в честь побед над ними. Он воспроизводит целые сцены из Теренция и декламирует речитативом стихи из Горация, затем уже поет очень милую песенку, импровизированную им во время какого-то ужина, и переходит к изложению комедии, напечатанной им в одном экземпляре, чтобы избежать переписки. В комнату входят другие лица. Шум придвигаемых стульев прерывает его монолог, – и он приходит в себя. Он как бы снова меня узнает и подходит ко мне как к человеку, с которым когда-то встречался. Он вспоминает, что мы беседовали об очень интересных вопросах, законодательных и исторических, и прибавляет, что беседа со мною принесла ему много пользы; поэтому он приглашает меня продолжать такое приятное и полезное знакомство.

Расставаясь со мною, он два раза целует меня в лоб и вырывает у меня свою руку, точно мы прощаемся навеки».

Глава II. Дидро как редактор «Энциклопедии»

Происхождение «Энциклопедии». – Ее задача. – Арест Дидро. – Проспект. – Дидро о рабочем сословии. – Сотрудники. – Отношение двора. – Измена Руссо. – Стойкость Дидро. – Полная его победа. – Жертвы, им принесенные

Мысль о составлении сборника всех человеческих знаний, расположенных в алфавитном порядке, принадлежит не Дидро и даже не Франции, а стране, которой мир обязан многими выдающимися практическими идеями, именно Англии. Первый энциклопедический словарь в том смысле, как мы теперь его понимаем, появился в Лондоне в 1728 году и принадлежит Чемберсу. Нельзя, однако, сказать, чтобы Франция была совершенно чужда этому предприятию. Чемберс воспользовался для своего предприятия трудами многих французских ученых, ибо в то время сношения между Англией и Францией приняли небывало широкие размеры вследствие состоявшейся в конце XVII века отмены Нантского эдикта. Около 80 тысяч гугенотов, лишенных свободы вероисповедания и опасавшихся за свое имущество и даже жизнь, переселились в Англию. Они, конечно, поддерживали сношения со своими соотечественниками, и так как это были иногда люди очень развитые и образованные, то между Францией и Англией установилось духовное общение, выгодное для обеих стран. Приблизительно такие же последствия имела отмена Нантского эдикта для взаимных отношений между Францией и Германией. Это сближение умственной жизни соседних народов способствовало сильному ее оживлению. В частности, переселение гугенотов в Англию подорвало влияние католицизма во Франции: протестантская Англия, с ее философией, в значительной степени поколебала, через посредство изгнанных гугенотов, все миросозерцание французского образованного общества. Таким образом, отмена Нантского эдикта, с точки зрения ее виновников, имела роковые последствия. Насилие над совестью не только не увенчалось успехом, а, наоборот, привело к ослаблению католицизма.

Нам представится еще случай указать, как английские идеи проникли во Францию и коренным образом изменили миросозерцание французского общества. Но в данном случае мы должны отметить, что и тот гигантский таран, которым Дидро

сокрушил здание прежних французских понятий, суеверий и предрассудков, задуман по английскому образцу. Правда, «Энциклопедия» Чемберса преследовала преимущественно практические цели: простое распространение полезных знаний в удобной для большинства читателей форме, – но все-таки она представляла собою попытку сильной демократизации науки. Благодаря энциклопедии наука становилась доступной значительному числу людей, которые прежде с величайшим трудом могли запастись знаниями по интересовавшим их вопросам. Это основное значение энциклопедии получило только дальнейшее развитие в громадном труде Дидро и его товарищей.

Мы отметили уже, что после своей женитьбы Дидро начал усиленно заниматься переводами, чтобы зарабатывать насущный хлеб. Между прочим, он перевел шеститомный медицинский словарь англичанина Джемса. В качестве переводчика этого и многих других трудов он был хорошо известен издателям и вообще лицам, интересовавшимся книжным делом. В 1745 году, то есть два года спустя после женитьбы Дидро, в Париж приехали англичанин Мильс и немец Селлиус, чтобы предложить французским издателям, преимущественно Лебретону, издателю «Королевского альманаха», перевести «Энциклопедию» Чемберса. Эта энциклопедия имела в Англии блестящий успех и выдержала там в короткое время несколько изданий. Поэтому естественно возникла мысль воспользоваться ею и для Франции. Понятно, что Мильс и Селлиус старались устроить дело так, чтобы выгоды достались преимущественно им. Поэтому Лебретон с ними не сошелся, хотя сразу понял громадное значение этой мысли. Он обратился к нескольким лицам, чтобы самостоятельно приняться за издание. Но все переговоры не имели успеха, пока знаменитый законовед того времени Агесо не указал на Дидро. Дидро довольствовался малым. Он в этом отношении не был избалован. Сто франков в месяц его вполне удовлетворили, а идея энциклопедии увлекла до последней степени. Наконец-то ему дано будет высшее счастье – знакомиться со всеми науками, знакомя с ними других. 10 (21) января 1746 года выдана была королевская привилегия на издание «Энциклопедии».

Это был день знаменательный в жизни не только Дидро, но и всей Европы. Правда, всякого рода препятствий к осуществлению грандиозного труда, предпринятого Дидро, несмотря на королевскую привилегию, оказалось великое множество. Ежеминутно возникало опасение, что дело погибнет, что невозможно будет его воскресить после нанесенных ему тяжелых ударов. Но, тем не менее, оно не погибло. Если оно натолкнулось на могущественных врагов, то имело и преданных друзей даже

там, где, казалось, труднее всего было их ожидать. Рассказать о борьбе, которую вели авторы «Энциклопедии» с ее бесконечными противниками, врагами и ненавистниками, значит рассказать о самом блестящем периоде жизни и деятельности Дидро.

Он сразу очень широко взглянул на свою задачу. О простом переводе он даже и слышать не хотел. По отношению к словарю Джемса он довольствовался простым переводом, не чувствуя себя достаточно сильным в медицинской науке, чтобы самостоятельно знакомить читателей с ее выводами. Но относительно общей энциклопедии дело представлялось ему в ином свете. Он задумал воспользоваться собственными знаниями и знаниями других выдающихся людей того времени, чтобы создать книгу, в которой заключались бы все книги, представить картину усилий человеческого ума во все века и во всех отраслях знания, – словом, подвести итог всей цивилизации, начиная с самых отдаленных времен и кончая настоящим.

Таков был обширный план, которым сразу задался Дидро. Совершенно для него неожиданно он вдруг был приставлен к делу, наиболее соответствовавшему его наклонностям и заветнейшим целям. Весь его долголетний труд не пропадет даром. Он с лихорадочной поспешностью удовлетворял свою любознательность, собирал знания где только мог, занимался и читал, жертвуя для этого всем: и своим достатком, и дружбою отца, – отказывал себе во всем, жил немногим лучше простого нищего, голодал сам, подвергал и собственную семью опасности умереть с голоду, – но все эти жертвы, все эти лишения привели наконец к цели: он получит полную возможность не только приложить все эти знания к плодотворному делу, расширить их до бесконечности, но и передать их огромному числу людей, той среде, из которой он сам вышел, которую он хотел возвысить и сравнять с другими классами общества. Вернейшим средством достижения этой цели был путь знания, и «Энциклопедия» должна была послужить в его руках рычагом, при помощи которого он надеялся добиться установления более справедливого общественного строя. Не подлежит сомнению, что Дидро с первых же шагов представился этот широкий план, эта блестящая перспектива. Но действительность могла его тотчас же остановить, подрезать ему крылья. Почти три года он уже трудился над собиранием материалов, привлечением сотрудников, как вдруг на него обрушился удар, который, по-видимому, угрожал всему делу крушением. Причины этого удара в точности неизвестны. Но 13 (24) июля 1749 года полиция вдруг арестовала Дидро и препроводила его в венсенскую тюрьму. Одни рассказывают, что случилось это по доносу одной духовной

особы, заявлявшей, что «некий Дидро, квартирующий у какого-то Гильота, богохульствует». Поэтому духовная особа просила действовать быстро, хотя и с должной осторожностью. По другим слухам, причиной ареста послужило неосторожное слово, сказанное о даме, пользовавшейся особенным расположением военного министра Аржансона. Дело в том, что знаменитый Реомюр сделал слепорожденному операцию и возвратил ему зрение. Решено было дать ему увидеть свет божий в присутствии компетентных лиц, чтобы составить себе точное понятие о впечатлении, которое вынесет бывший слепой. Между прочим, был приглашен и Дидро. Когда сняли повязку с глаз больного, то оказалось, что она снималась уже раньше, то есть что сеансу в присутствии ученых предшествовал другой сеанс, в присутствии именно той дамы, которая пользовалась особенным расположением военного министра. Дидро не стерпел и, уходя, заметил, «что г-н Реомюр предпочел два прекрасных глаза многим компетентным глазам».

Трудно, однако, допустить, чтобы эта невинная шутка могла послужить причиной ареста даже в такое время, когда тайные аресты практиковались почти ежедневно, когда бесчинствовали преемники кардинала Флёри, хваставшегося тем, что он, будучи у власти, выдал 40 тысяч приказов о секретных арестах. Гораздо правдоподобнее, что беда стряслась из-за появившегося именно в это время произведения Дидро, в котором он отчасти позволил себе разные вольности, отчасти скандализировал католическое духовенство. Как бы то ни было, он был арестован, а вместе с тем можно было сильнейшим образом опасаться за судьбу «Энциклопедии». Сколько его продержат в тюрьме, было неизвестно: если его и скоро выпустят, то позволит ли правительство ему оставаться редактором «Энциклопедии»? Это казалось сомнительным. А между тем за истекшие три года выяснилось, что Дидро – незаменимый редактор, что приискать вместо него другое, столь же способное и знающее лицо – невозможно. Но на этот раз дело обошлось сравнительно благополучно. Арест его продолжался всего сорок дней. К тому же в тюрьме, как мы видели, к нему относились очень любезно, так что он имел полную возможность там работать. Он обратился к властям с заявлением, что изданные им статьи составляют случайные излишества его ума и что он впредь обязуется ничего подобного не писать. Его выпустили на свободу, и он мог снова приняться за свою «Энциклопедию».

Это было в конце 1749 года, а в следующем году появился наконец проспект «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел». Собственно, это заглавие теперь никого не

поразит, оно может показаться разве только несколько архаическим. Но для тогдашнего времени это был целый переворот во взглядах и понятиях, – переворот, может быть, не ясно осознанный, даже малозаметный, но чрезвычайно глубокий, громадные последствия которого не замедлили обнаружиться. Переворот этот яснее обозначится, если мы заменим в вышеприведенном заглавии слово «ремесла» сочетанием «производительный труд», потому что именно все отрасли производительного труда Дидро имел в виду, когда говорил о ремеслах. Он прямо об этом упоминает в проспекте. «О науках, – говорит он, – слишком много писали; о труде либеральных профессий писали много, но неудовлетворительно, а о механическом труде еще ничего не писали». Понятно, когда он говорил о механическом труде, о труде ручном, он имел в виду мастерскую своего отца. Это было, так сказать, скромное начало, как было скромно и начало всей «Энциклопедии», то есть мысль перевести на французский язык английский сборник разных практических знаний. Но уже по самому проспекту чувствуется, что Дидро задался очень широкой задачей. Тут были уже начертаны те слова, которые предвещали наступление нового общественного строя. «Люди, занимающиеся ручным трудом и получающие поденную плату, составляют известную породу людей, наиболее многочисленную в стране. Участь этих людей должна составлять главную заботу хорошего правительства. Если бедствует поденщик, бедствует вся страна». Одновременно Дидро требовал для «поденщиков частицу той славы, которую исключительно присвоили себе короли, воины, художники»; он приглашает либеральные профессии, «достаточно воспевшие самих себя, отвести наконец более почетное место производительному труду» и призывает самих рабочих относиться с большим уважением к себе, ибо они считают себя презренными только потому, что другие их слишком долго презирали. Как серьезно отнесся Дидро к этой стороне своей задачи, видно из плана работ, к которым он тотчас же приступил. Уяснить себе положение рабочего класса, собрать сведения о разных отраслях труда было, конечно, нелегко: не существовало ни литературы по этому вопросу, ни статистических данных. Дидро и его помощникам пришлось самим посещать разные мастерские, знакомиться с орудиями производства и с условиями труда. Энергия, проявленная в этом отношении редактором «Энциклопедии», изумительна. Несмотря на многосложные свои дела, связанные с составлением статей и просмотром работ других сотрудников, он находил время посещать мастерские, расспрашивать хозяев и рабочих, делать снимки с разных орудий

производства. Задача усложнялась тем, что сами хозяева и рабочие часто оказывались неспособными сколько-нибудь толково разъяснить значение орудий, способы их употребления и всякие другие манипуляции. Приходилось лично присматриваться к работе, иногда присутствовать при ней целыми часами, чтобы составить себе о ней ясное понятие. Чтобы нагляднее познакомить читающую публику с этим непривычным ей материалом, Дидро приложил к «Энциклопедии» множество рисунков, и весь этот материал, все статьи, посвященные многообразным отраслям производительного труда, он лично просматривал чрезвычайно тщательно и проверял, создавая, как он сам выразился, теорию для того, что до него существовало лишь на практике.

Мы отметили эту сторону деятельности Дидро потому, что он в ней выступил новатором и верно предчувствовал весь ход будущего социального развития. Но энергию он проявлял не только в этом направлении. Достаточно заметить, что он написал для «Энциклопедии» 1259 более или менее обширных статей. И чего только он не касался в них! Большинство статей посвящено вопросам грамматики, затем следуют статьи исторические, этические, философские, мифологические, литературные и художественные, богословские, политические, географические и так далее. Есть и статьи, касающиеся архитектуры, медицины, законоведения, астрономии, ботаники, химии и физики, минералогии и металлургии – словом, кажется, нет отрасли знания, для которой Дидро лично не поработал бы в «Энциклопедии». И притом какого бы вопроса он ни коснулся, он всегда обнаруживал большую компетентность, точное знакомство с предметом и действительно отмечал то, что, так сказать, составляло последнее слово науки или вообще человеческого знания. Это не значит, что он не был основательно знаком и с историей излагаемого предмета, но он всегда старался обнаружить те крайние границы в данной отрасли знания, которых достигло человечество. Много лет спустя после появления «Энциклопедии», почти в наши дни, англичанин Джон Морлей, ученый и в то же время биограф Дидро, перелистывая «Энциклопедию», вынес такое впечатление, как будто пред ним развертывается блестящая панорама всей деятельности человечества, – какое же впечатление должна была произвести «Энциклопедия» в свое время, при тогдашнем уровне знаний, при тогдашней образованности? Стремясь должным образом исполнить свою задачу, Дидро далеко не рассчитывал исключительно на собственные силы. Он привлек к участию в «Энциклопедии» все, что было выдающегося в науке и литературе.

Мы, конечно, не можем перечислить здесь всех сотрудников: их слишком много. Для нашей цели достаточно будет заметить, что соредактором Дидро по всем математическим вопросам состоял некоторое время Д'Аламбер, написавший и предисловие к «Энциклопедии», что сотрудниками были Вольтер, Монтескье, правда, давший только одну статью, но какую! – знаменитую статью о вкусе, Руссо (по музыке), Бюффон, Гольбах, Дюкло, Кондорсе, Мармонтель, Кенэ, Тюрго. Таких выдающихся ученых и писателей, конечно, ни одна энциклопедия не имела ни до, ни после «Энциклопедии» Дидро. Во всяком случае это было предприятие небывалое, неслыханное. О том, какое впечатление оно произвело, можно судить уже по тому факту, что на приглашение о подписке откликнулось около четырех тысяч человек. В книгопродавческом деле это был для того времени успех изумительный, и успех этот рос с каждым новым томом. Заметим кстати, что между составителями «Энциклопедии» и читающей публикой устанавливались сношения уже в силу того обстоятельства, что Дидро привлекал к собиранию материалов и сотрудничеству всех, кто только мог быть ему полезен. В его труде участвовала и великосветская дама, высказывавшаяся о модах или правилах приличия, и простая швея, государственный человек и простой мастеровой. Все сословия трудились над «Энциклопедией», все чувствовали себя с нею солидарными, читали ее, справлялись с ней, хотя бы и не сочувствовали тому духу, которым она была проникнута. Мы не станем здесь останавливаться на мировоззрении, положенном в основание «Энциклопедии». Мы разъясним его, когда приступим к оценке философского учения Дидро. Но здесь нам необходимо заметить, что основная тенденция «Энциклопедии» натолкнулась сразу на очень решительный отпор. И если мы спросим, кто были главные враги ее, то придется ответить: духовенство, писатели, не принадлежавшие к лагерю энциклопедистов, – и уже на третье место нам придется поставить администрацию. Дело в том, что администрация, давшая издателю привилегию на энциклопедию, если и восставала иногда против нее, то, с другой стороны, оказывала ей, как мы увидим, и сильную поддержку. Но неумолимыми врагами энциклопедистов были духовенство и не сочувствовавшие им писатели, всячески натравливавшие администрацию и парламент на Дидро и его товарищей.

Людовик XV относился к «Энциклопедии», как и ко многому в государстве, довольно равнодушно. Вольтер рассказывает, что однажды за ужином в Трианоне речь зашла об охоте, а затем о порохе и о составных его частях. По этому поводу возгорелся спор, и оказалось, что никто в точности не знает, из чего он

состоит. Один из придворных тогда выразил сожаление, что его величество запретил «Энциклопедию». «Мы лишились таким образом не только подписной суммы, то есть 100 пистолей (450 рублей), но и возможности разрешить все подобные спорные вопросы». Король смутился и стал оправдываться, заметив, что ему со всех сторон говорят, что это ужасно опасная книга. Г-жа Помпадур заметила, что вот и она не знает, из чего делают румяна. Решено было послать за «Энциклопедией», и г-жа Помпадур убедилась, что все интересовавшие ее сведения находятся в ней. «Ах, какая прекрасная книга, ваше величество, – воскликнула она, – ведь это настоящий магазин всех полезных сведений, а вы его конфисковали, чтобы пользоваться и владеть им исключительно только для себя». Король окончательно смутился и продолжал повторять, что об «Энциклопедии» говорят очень много дурного. Но все вступились за нее. Один приближенный возразил, что все хорошее имеет врагов, что женщины, например, нападают обыкновенно на самую хорошенькую. Другой придворный, перелистывая «Энциклопедию», воскликнул: «Вы счастливы, ваше величество, что в стране нашлись люди, способные ознакомиться со всеми родами искусства и знания и передать их потомству! Все в этой книге есть: как изготовить булавку и пушку… все – от бесконечно малого до бесконечно великого. Отнимите у меня все мое состояние, но оставьте мне „Энциклопедию“.

Этот разговор показывает, как малосамостоятелен был король в данном вопросе и какое влияние имели на него приближенные. Между ними были сторонники иезуитов и воинствующего католицизма, и они-то и выступ или решительно в поход против «Энциклопедии» тотчас после появления ее первого тома и даже раньше. Борьба с их стороны была неумолимая, отчаянная. Действовали доносами, наговорами, брошюрами, подстрекали других писателей. Дидро предвидел, что ему придется иметь дело с противодействием духовенства, и, чтобы до известной степени его обезоружить, он пригласил в сотрудники нескольких ученых аббатов; но духовенство не щадило и своих, когда они участвовали в «Энциклопедии». В числе сотрудников был и аббат Депрад. Этот аббат защищал в Сорбонне диссертацию, в которой поддерживал предание о всемирном потопе, но высказал некоторое сомнение относительно верности заключающейся в Библии хронологии. Этого было достаточно, чтобы богословский факультет восстал против диссертации. Парламент приговорил ее к сожжению, и вместе с тем последовал указ о приостановке выхода «Энциклопедии» как книги, содействующей распространению безнравственности и духа возмущения.

Однако на этот раз иезуиты принялись за дело неловко. Они сами задумали издавать «Энциклопедию» и стали тотчас же ходатайствовать о том, чтобы привилегия, выданная Лебретону, была предоставлена им. Игра их оказалась слишком прозрачной, король обиделся, и Дидро поручено было продолжать свою деятельность.

Но эта неудача не смутила иезуитов. Они временно притихли в официальных сферах, но продолжали действовать в печати. В официальных сферах они наталкивались на отпор таких влиятельных лиц, как г-жа Помпадур, сильно польщенная комплиментом Вольтера, заявившего, что «вы-де из наших», Мальзерб, герцог Шуазель. Но в печати у них была масса союзников, в том числе такой сравнительно талантливый писатель, как Фрерон, издававший критический журнал «Année littéraire». Разразилась настоящая буря. Церковь, парламент, сильные придворные кружки, почти все литераторы, за исключением, конечно, участвовавших в «Энциклопедии», – все это вступило в союз и как бы сговорилось погубить ненавистное издание. Дидро с товарищами, однако, храбро держались.

Но именно в этот момент, во время этой вакханалии обезумевших от ненависти противников энциклопедистов произошли два новых события, которые чуть было не погубили предприятие. «Энциклопедия» дошла до седьмого своего тома, как вдруг случилось покушение на жизнь короля Людовика XV. По обыкновению, покушение имело прямым своим следствием усиление реакционных элементов. Друзьям энциклопедистов становилось все труднее их защищать, и этим моментом, как нарочно, воспользовался Жан-Жак Руссо, чтобы рассориться с редакторами «Энциклопедии» и начать против них свою знаменитую кампанию. Понятно, что бой велся им не открыто. Обидевшись из-за появившейся в словаре статьи «Женева», хотя в ней, собственно, и не было ничего обидного, Руссо написал свое пресловутое «Письмо к Д'Аламберу о театральных представлениях», в котором, как бы занимая нейтральное положение между двумя враждебными лагерями – иезуитами и энциклопедистами– и называя тех и других бешеными собаками, с высоты своего беспристрастия характеризовал Вольтера «низкою душою», клеймил развращенность энциклопедистов, помышляющих о том, чтобы построить в маленьких городах, отличающихся чистотою нравов, театры, и громогласно возвещал, что без религии нет нравственности. Таким образом, иезуиты заручились могущественным союзником.

Прочитав «Письмо» Руссо, Дидро не поверил собственным глазам. Он лично отправился к другу, чтобы рассеять это роковое

недоразумение. Но свидание окончательно убедило его в страшной потере, понесенной энциклопедистами. А Руссо тем временем старался дискредитировать своих бывших друзей и союзников среди дам, пользовавшихся особенным расположением герцога Шуазель, одного из влиятельнейших сторонников энциклопедистов в правительственных сферах.

Измены бывают всякие, но такая измена принадлежит к числу очень редких. Почему Руссо вдруг отрекся от бывших своих друзей? Неужели только потому, что по мере того, как «Энциклопедия» упрочивалась и получала все более широкое распространение, упрочивались и влияние и популярность Дидро? Трудно ответить на этот вопрос. Как бы то ни было, удар, нанесенный Дидро бывшим его другом, имел для него страшные последствия. Покушение на жизнь короля, измена Руссо, неистовый поход консервативных элементов – все это смутило наиболее осторожных энциклопедистов. Первым отказался от участия в словаре ближайший товарищ Дидро, Д'Аламбер. В письме к Вольтеру он заявлял, что не верит в возможность дальнейшего издания «Энциклопедии». Это мнение отчасти разделял и сам Вольтер, не видевший другого исхода, как перенести печатание «Энциклопедии» за границу, например в Женеву. И действительно, над головою Дидро собрались грозовые тучи. Парламент прямо требовал сожжения «Энциклопедии» на Гревской площади, привилегия была отменена, появилось правительственное распоряжение, в силу которого издатель обязывался возвратить подписчикам внесенные ими деньги, папа Климент XIII произнес над энциклопедистами отлучение от церкви. Действительно, казалось, что Д'Аламбер и Вольтер правы, утверждая, что продолжать издавать «Энциклопедию» немыслимо. Все сомневались; не сомневался только сам Дидро.

Ему были сделаны лестные предложения: Фридрих II и Екатерина II предлагали ему перенести издание в Берлин или Петербург. Дидро отказался от этих предложений и с твердостью заявлял всем, с кем встречался, что доведет дело до конца в самом Париже. Много надо было иметь веры и энергии, чтобы не прийти в отчаяние при таких трудных обстоятельствах. Дидро, впрочем, верил не только себе, но и тайным друзьям. Понятно, однако, что он не мог бы доверять последним так безусловно, если бы не был убежден в святости своего дела, если бы не любил его так страстно. Теперь же он делал все от него зависящее, чтобы спасти свое родное детище. Мы сейчас укажем, какие тяжелые внутренние жертвы принес Дидро, чтобы осуществить столь дорогую ему идею. А здесь заметим только еще, что в числе его друзей находился такой просвещенный человек, как Мальзерб,

занимавший видный административный пост. Достаточно отметить следующий факт, чтобы убедиться, какую поддержку он оказывал Дидро. Мальзербу самому пришлось распорядиться об обыске в его квартире и о конфискации бумаг. Но он заблаговременно предупредил Дидро и посоветовал ему припрятать поскорее все его бумаги. Дидро решительно не знал, куда девать эти груды накопившегося у него материала. На это Мальзерб ответил: «у меня их искать не будут; пришлите их ко мне». Мальзерб занимал тогда пост главного инспектора по книжной части. Таким образом бумаги были спасены; мало того, уже через шесть месяцев после отмены привилегии Дидро возобновил, хотя и тайно, печатанье дальнейших томов «Энциклопедии». Администрация смотрела сквозь пальцы на нарушение закона и требовала только, чтобы местом печатания был назван не Париж, а Невшателъ.

Мы только что упомянули о внутренних жертвах, которые пришлось принести Дидро, чтобы спасти свое любимое детище. Он был человек пылкий, страстный, даже бурный. Он нисколько не преувеличивал, говоря о себе, что ему очень трудно скрыть то, что у него на уме. Да это и понятно при живости его натуры и при взгляде, который он имел на свое назначение, на свое жизненное призвание, на свою общественную роль. Выйдя из ничего, из самого скромного общественного слоя, он хотел все узнать, все понять и поделиться узнанным и понятым со своими согражданами, с теми, кто родился в той же скромной среде, что и он, но не имел возможности осмотреться, понять окружающие условия, осмыслить их. Он именно потому, что так понимал свою общественную роль, схватился с такою страстностью, с таким пылом, с таким воодушевлением за мысль об издании книги, доступной многим, разъясняющей истинный смысл их бытия и открывающей тот путь, который мог их увести от пут неприглядных, тяжелых обстоятельств в иную, лучшую жизнь. И вот, когда он с чисто юношеским пылом, с редким воодушевлением приступил к составлению этой книги, ему начали зажимать рот, начали хватать его за руку, восторженно поднятую, чтобы указать согражданам верную дорогу к счастью. Препятствия, которые ему со всех сторон ставили, оскорбляли его в самых святых его чувствах, и каждый день, самозабвенно и вдохновенно трудясь над разработкою своих идей, над тою книгою, в которую он вкладывал лучшие свои чувства, возвышеннейшие свои думы, гениальнейшие свои идеи, он вынужден был ограничивать себя, говорить намеками, искажать, обезображивать то, что было ему дороже всего на свете. Это были бесконечные муки, тяжелые душевные страдания, профанация

святыни. Но когда Дидро приступил к «Энциклопедии», он не был уже юношей, он созрел в упорном труде и постоянных размышлениях над окружающею действительностью. Поэтому он мог вынести эти муки и пожертвовать частью своего драгоценного достояния, чтобы спасти остальную. Недаром у него вырвалось следующее: «Потомство сумеет понять мысли, скрытые в наших словах», то есть читать между строк. Он по большей части высказывал только незначительную долю того, что он хотел высказать, что рвалось из его сострадательного к ближнему сердца, из его переполненного блестящими мыслями ума. Он утешал себя тем, что то, что он не выскажет в «Энциклопедии», он выскажет в других трудах. И действительно, ящики его письменного стола были переполнены разными рукописями, которые не могли появиться в печати. Отчаиваясь увидеть многие из них напечатанными при жизни, он раздавал их друзьям, знакомым, так что произошло почти небывалое в истории литературы явление. Труды одного из гениальнейших писателей прошлого века оказались разбросанными, рассыпанными по лицу земли и то здесь, то там, через большие промежутки времени, когда Дидро уже давно не было в живых, когда кости его давно уже истлели, вдруг всплывали. С некоторыми рукописями случалось даже, что охотники до чужой собственности выдавали их, в оригинале или в переводе, за свои. Известен, например, случай, когда Гёте разоблачил подобного рода мошенничество. Словом, современники не знали настоящего Дидро, и только в нынешнем веке, почти в наши дни удалось восстановить величественный образ этого титана мысли не только в частностях, но и в самых грандиозных его идеях. И тут только специалисты поняли, какую величину представляет собою тот Дидро, которого современники знали преимущественно как редактора «Энциклопедии» и как автора довольно неудачных драматических произведений. Что же касается до широкой публики, то она уже не в состоянии была оценить значение Дидро, потому что его идеями воспользовались другие: они по прошествии многих десятилетий стали всеобщим достоянием и казались уже чем-то заурядным.

Мы видим, следовательно, как сильно были ущемлены писательские чувства Дидро, осознававшего, что заслуженной славой пользоваться он не может по не зависящим от него обстоятельствам. Нельзя тут не воздать должное его пламенной любви к родине. Он не удалился за границу, он остался глух к лестным предложениям могущественнейших монархов того времени, он не согласился жить для своих идей на чужбине, он хотел приносить пользу непосредственно своим согражданам,

высказываться наполовину, но высказываться так, чтобы его могли слышать, чтобы он мог говорить с возможно большим числом людей и сообщать им хотя бы только обрывки своих мыслей, по которым – он в этом был уверен – они воссоздадут то понимание жизни, которым он сам был воодушевлен. Он ежедневно приносил тяжелые жертвы, но эти жертвы не пропали даром. Самоограничение, которое он возложил на себя, приспособление к существующим условиям, пользование всеми средствами, какие только мог приискать его изобретательный ум, его чрезвычайная энергия, его изумительная выносливость дали блестящие результаты. Через несколько лет после того, как администрация вторично запретила «Энциклопедию», иезуиты оказались изгнанными из страны. Таким образом, он одержал над ними блестящую победу. Он не только благополучно окончил свой капитальный труд, несмотря на все преследования, несмотря на трусость или измену своих друзей, но даже получил возможность говорить так громко и уверенно, как никто, потому что сумел заручиться, не отступая от своих идей и оставаясь им верен до гроба, покровительством таких людей, которых опасались и предержащие власти в самой Франции. Дидро был натура пылкая, страстная, и, тем не менее, он научился сдерживать себя, считаться с обстоятельствами, ловко пользоваться ими, и благодаря этим качествам он достиг того, что знаменитая «Энциклопедия» могла быть напечатана в самой Франции, получила широкое распространение и совершила свое великое дело.

Каково же то миросозерцание, которое положено в основу «Энциклопедии», тот дух, которым она проникнута, те взгляды, которые она распространила не только во Франции, но и во всем цивилизованном мире? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны остановиться на всей совокупности произведений Дидро, которые постепенно стали достоянием публики. Многое, как мы видели, в «Энциклопедии» не досказано или высказано только намеками, но общий дух, общее миросозерцание великого энциклопедиста сквозит в каждой ее строчке. Мы же объединим то, что в ней высказано не вполне ясно, с дополнениями или разъяснениями, взятыми из других трудов Дидро, потому что при таком способе изложения картина будет яснее и мы избегнем повторений, крайне нежелательных в кратком биографическом очерке, где необходимость заставляет дорожить местом.

Глава III. Миросозерцание Дидро

Философия Дидро. – Первая научно обоснованная материалистическая система. – Неорганический и органический мир. – Мрамор и человеческое тело. – Трансформизм. – Органы и микроорганизмы. – Дидро как предшественник Лапласа, Ламарка, Дарвина, Пастера, Канта, Бентама, Шопенгауэра. – Этика Дидро. – Его политические воззрения. – План народного образования

Мы уже упомянули во вступлении к этому биографическому очерку, что Дидро оставил потомству целостное миросозерцание, которое не могло быть оценено современниками и даже ближайшими поколениями во всей его широте и полноте, во всем его значении для умственного развития человечества. Кроме того, мы указали, что многие составные части этого миросозерцания оставались долгое время неизвестными, но что, тем не менее, оно прокладывало себе дорогу в жизни и безусловно стало господствовать над умами по прошествии многих десятилетий после смерти великого философа. Теперь нам предстоит разъяснить это миросозерцание, и, несмотря на краткость нашей биографии, это вполне возможно, потому что на исходе XIX века идеи Дидро стали общим достоянием, превратились, так сказать, в ходячую монету умственной жизни всей Европы, и, следовательно, мы можем довольствоваться простыми намеками: наша задача заключается главным образом в том, чтобы восстановить неотъемлемые права Дидро на умственное наследие, которое он оставил следующим за ним поколениям. Заметим еще, что, выясняя миросозерцание Дидро, мы воздержимся на первый раз от всякой критики, хотя бы мы лично и не сочувствовали тому или другому его выводу, во-первых, потому, что эта задача была бы слишком обширна для нашего очерка: нам пришлось бы подвергнуть проверке все основы миросозерцания нескольких поколений и даже большинства образованных людей настоящего времени; а во-вторых, и потому, что нам представится случай выразить свое отношение к философии Дидро, когда мы в конце нашего очерка попытаемся показать значение Дидро как первоклассного мыслителя и деятеля.

Философское мировоззрение Дидро возникло не сразу: оно сложилось постепенно. Мы поэтому в разнообразных его трудах можем натолкнуться на многочисленные противоречия, даже на

полное несоответствие взглядов. Но если рассматривать его философское учение с генетической точки зрения, то есть в смысле постепенного развития известных идей, то эти противоречия исчезают или становятся вполне понятными и в результате получается величественное здание, отличающееся красотою, единством и поражающее современника гениальными своими очертаниями. Дидро в своей лихорадочной деятельности постоянно разбрасывался, начинал всё новые работы и часто их не оканчивал. У него не хватало ни времени, ни выдержки для систематического труда. Он был слишком подвижная натура, чтобы работать методически, слишком в нем кипела жизнь и слишком близко он стоял к жизни, чтобы уединиться в область чистого умозрения; но при гениальных его способностях он, наталкиваясь на разные факты, выдвигаемые жизнью, сопоставлял их, объединял, делал изумительные обобщения, доходил до синтеза почти невероятного при тогдашнем сравнительно слабом развитии науки. Мало того, он на протяжении почти 30 лет в каждую свободную минуту аккуратно вносил свои соображения и гипотезы в труд, который его больше всего занимал, которым он больше всего гордился и который действительно составляет одну из основ его славы, именно в свои «Элементы физиологии». Таким образом, мы, несомненно, имеем дело с целым циклом вполне продуманных идей, правда внешним образом несистематизированных, но представляющих твердо определенную внутреннюю систему, и можно только пожалеть, что до сих пор никто еще ни в нашей, ни в иностранной литературе не сделал попытки изложить ее как одно неразрывное целое, как одно из неизбежных звеньев в последовательном развитии философского миросозерцания.

Само собою разумеется, что Дидро, как всякий философ, в области мышления следовал за своими предшественниками. Он не изобрел ничего нового, он сделал только дальнейшие выводы из посылок, установленных до него. Эти выводы сознавались в середине прошлого века не одним Дидро, но сознавались смутно, отрывочно и поэтому не могли войти в общее сознание. Дидро же, демонстрируя поразительную силу логической мысли, сделал из посылок своих предшественников такие ясные, определенные и широкие выводы, что, так сказать, предупредил все дальнейшее мышление человечества, установил для него вехи и орлиным взором обнял путь, по которому оно будет двигаться многие десятилетия. Дидро прямо наследует Бэкону, Ньютону, Локку: Бэкону – в смысле безусловного признания эмпирического метода как единственно научного; Ньютону – в смысле уверенности в возможности объяснения мироздания естественными,

механическими и физическими законами; Локку – в смысле признания наших чувств главным источником наших представлений, понятий, идей. Но у предшествовавших ему английских философов и естествоиспытателей великие открытия были только разбросанными камнями не сооруженного еще здания. Они еще не додумались, отчасти не решались додуматься до объединения всех своих открытий и идей, до крайних выводов. Дидро имел и в самой Франции предшественников – главным образом в лице врача Ламетри с его трудом «Человек-машина», – работавших с ним в одном направлении. Но их выводы не имели такого общего характера, не были объединены в такую целостную систему, ограничивались той или другой частной областью исследования; Дидро же объединил взгляды своих предшественников и современников и сделал из них выводы, во многом предрешившие все позднейшие изыскания.

Как мы видели, Дидро начал с перевода английских естествоиспытателей и философов. В 1745 году он еще переводит книгу Шефтсбери «О заслуге и добродетели» и горячо защищает мысли этого моралиста и деиста; но уже в следующие четыре года он издает свои «Философские мысли» и «Письмо о слепых в назидание зрячим», в которых выступает уже самостоятельным мыслителем.

«Для объяснения природы надо быть физиком и химиком, – провозглашает Дидро, – вся же философия должна быть только объяснением природы». Таким образом, Дидро выступает решительным материалистом. Задаваясь вопросом о том, как создан мир и какое положение в нем занимает человек, он утверждает, нисколько не колеблясь, что ответ на эти вопросы может дать одна лишь природа, опытное изучение происходящих в ней явлений. Значит, основа философии – естествознание; помимо естествознания нет объяснения загадок бытия.

Был ли, однако, сам Дидро подготовлен к плодотворной работе в области естествознания? Мы указывали уже, что он с жадным вниманием следил за развитием науки во всех ее проявлениях. Он изучал естественные науки с громадным интересом, был одним из самых усердных слушателей знаменитого химика Руэля и других естествоиспытателей, наконец, выводы, к которым он, как мы сейчас увидим, пришел, не допускают никакого сомнения относительно глубины его познаний в этой области.

Чтобы сформировать целостное миросозерцание, Дидро, следовательно, обращается к природе, к материи, начинает изучать факты и пользуется для их разъяснения и обобщения опытом. Он не допускает в принципе научных выводов,

основанных не на фактах, другими словами – является решительным сторонником опытного, положительного метода исследования. Он останавливается прежде всего на различии между духом и материей и спрашивает себя: есть ли основание предполагать, что дух и материя существуют раздельно; не естественнее ли думать, что они составляют одно? Но чтобы в этом убедиться, надо избрать верный путь исследования, надо прежде всего отказаться от предварительного установления причин и довольствоваться простым собиранием и объяснением фактов, спрашивать: не «почему?», а «как?» «Что мне за дело до того, что происходит в голове исследователя и как он объясняет себе силу, движущую материю? Это чистая метафизика. Я же – физик и химик». Но недостаточно еще просто наблюдать факты. Этого мало для того, чтобы понять, как действует природа. Только такие наивные люди, как Гельвеций, поясняет Дидро, могут объяснять дело случаем. Исследователь должен предчувствовать неизвестные приемы, новые опыты, не установленные еще выводы. Не будем далее развивать эти воззрения Дидро на верный метод исследования: экспериментальный метод Клода Бернара служит нам пояснением мысли Дидро. Знаменитый французский естествоиспытатель дал только дальнейшее развитие принципам, уже ясно установленным проницательным редактором «Энциклопедии».

Но чтобы установить эти принципы, Дидро должен был отрешиться от многих взглядов, которые он усвоил себе в детстве и молодости. Когда он писал свое «Письмо для слепых в назидание зрячим», он имел, конечно, в виду и себя. Вырос он в религиозной семье и был ревностным католиком. Еще переводя Шефтсбери, он защищает католицизм против деизма английского философа. Затем он становится деистом и постепенно переходит к материализму. Он не отрицает существования в мироздании сверхъестественной силы; он и не утверждает, что она есть. В своем объяснении природы он просто ее игнорирует; а наблюдая природу, он приходит, как его преемник Лаплас, к выводу, что все в мире может быть объяснено материей и присущими ей свойствами. «Возьмем человека и статую. Разница между ними большая: мы имеем одушевленное существо и неодушевленный кусок мрамора. Однако ведь из мрамора можно сделать человеческое тело, а из тела – мрамор. Я дроблю мрамор, превращаю его в мельчайший порошок, примешиваю его к земле, образую из них одну массу, сею на ней хлеб, и хлеб этот я могу есть, то есть он превращается в мое тело. Значит, постоянный переход от неодушевленного к одушевленному миру установлен. Есть ли нечто вечно живое или вечно мертвое? Не видим ли мы,

что живое умирает, а мертвое воскресает. Взгляните на яйцо, – восклицает он, – и вся метафизика разрушена». Неодушевленный предмет заключает в себе жизнь, которая при благоприятных условиях непременно разовьется. На каждом шагу мы наталкиваемся в природе на эту тесную связь между миром органическим и неорганическим. Дидро уже собрал массу фактов этого порядка. То, что он высказывал сперва как простую гипотезу, мечту, он подтверждал затем целым рядом наблюдений, научных доказательств. Равным образом, учил он, трудно провести границу между растительным и животным миром. Клейковина, остаток муки после удаления крахмала – животно-растительное вещество; дрожалка перестает дрожать тотчас же, как ее вынимают из воды, и начинает снова дрожать, когда ее опять опускают в воду; Адансон называет ее растением, Фонтана – животным. Мухоловка расстилает свои листья по земле, листья покрыты сосочками; когда муха садится на лист, соседний лист приближается к нему, и оба они замыкаются, как устрица; они чувствуют и сохраняют добычу, высасывают ее и затем уже отпускают. «Вот, – восклицает Дидро, – почти плотоядное растение». Как известно, Дарвин подтвердил и развил это наблюдение. Следовательно, между животным и растительным царством нет твердой границы. Разнообразие форм не прерывает цепи живых существ. Но природа допускает существование только тех, которые могут существовать совместно при условиях, ею установленных. «Мир – царство сильного», – говорит Дидро. Таким образом, он предвосхищает законы естественного отбора и борьбы за существование, столь блистательно подтвержденные впоследствии Дарвином бесконечным числом наблюдений и опытов. Кроме того, и основная мысль Ламарка о постепенном переходе форм органической жизни уже совершенно ясно высказана и подтверждена Дидро: «Когда присматриваешься к царству животных и замечаешь, что между четвероногими нет ни одного, у которого жизненные отправления и органы не походили бы на жизненные отправления и органы другого, то не склонны ли мы будем думать, что существовал прототип всех животных, органы которого природа постепенно удлиняла, укорачивала, видоизменяла, размножала или сокращала». Тут Дидро предлагает представить человеческую руку, у которой вещество, образующее ногти, разрастается, уплотняется и постепенно покрывает пальцы и кисть. Не получим ли мы тогда вместо человеческой руки копыто? «Червяк может превратиться в большое животное… Кто знает, сколько пород предшествовало ныне существующей или сколько будут следовать за нею. Все изменяется, все переходит одно в другое; остается только целое.

Мир зарождается и умирает постоянно; в каждую минуту он имеет и начало, и конец; так всегда было и так всегда будет». И все эти мысли Дидро подтверждает целым рядом примеров, почерпнутых из наблюдений над жизнью природы. Таким образом, нельзя не признать его главным предшественником Ламарка, нельзя отрицать, что теория трансформизма им – впервые – вполне сознательно и ясно установлена.

Познакомимся теперь с его взглядами на органическую жизнь. И в этом отношении Дидро задолго до Бюхнера и Молешота предрешил взгляды современного естествознания. Каждая частичка материи тяготеет к другой, но она стремится не к покою, а к движению, и присущая ей сила – вечна. Под внешней оболочкой материальной косности скрываются сила и жизнь. Мы видели уже, что мрамор может превратиться в живое тело. «Люди не допускают, чтобы чувствительность была присуща материи, потому что в таком случае пришлось бы допустить, что и камень чувствует, а с этою мыслью примириться трудно… Но действительно ли существует субстанциальная разница между человеком и растением, между мрамором и живым телом? Нет, между ними такая же разница, как между телом движущимся и находящимся в покое, но способным к движению. И чувствительность, как движение, присуща телам в скрытом виде; чтобы тело перешло из одного состояния в другое, надо только устранить препятствия. Так, когда вы едите, вы устраняете препятствие, мешающее пище приобрести активную чувствительность, вы ее ассимилируете, делаете ее частью живого организма, то есть делаете ее чувствительною. Но чувствовать значит жить, значит путем известной организации приобрести сознание и память. Между тем существо, обладающее памятью и сознанием, может утверждать, отрицать, рассуждать, вообще думать. Следовательно, материя думает в нем; и предполагать еще другое существо, обладающее этою способностью, значит заменять реальность словом, лишенным смысла». Следовательно, материя и дух совпадают.

Но Дидро не останавливается на этом общем положении. Он углубляется в вопрос о жизни и опять-таки приходит тут к заключениям, предвосхищающим все позднейшие выводы науки. Дидро сравнивает мир с каплею воды. Каждый организм состоит из множества первичных организмов, одаренных чувствами, находящихся в неразрывной связи и живых. Таким образом, организм представляет собою соединение других организмов. Чтобы точнее разъяснить свою мысль, Дидро прибегает к следующему образу: «Видели ли вы когда-нибудь, как рой пчел вылетает из улья? Мир, или вся совокупность материи, походит

на улей. Видели ли вы, как пчелы образуют на конце ветки длинную кисть маленьких крылатых насекомых, держась друг за друга своими лапками? Эта кисть представляет собою живое существо, особь… Если одна из пчел причинит другой боль, то та передаст движение своей соседке и во всей группе произойдет столько болевых ощущений, сколько в ней насчитывается пчел. Все придет в беспокойство, в движение, изменит положение и форму. Послышится шум, и тот, кто никогда не следил за такою группою, подумает, что пред ним один организм, имеющий 500–600 голов и 1000–1200 крыльев. Конечно, это будет ошибочно. Но хотите ли превратить эту кисть пчел в один живой организм? Вам стоит только размягчить лапки, которыми пчелы держатся друг за друга: они смежны; сделайте их непрерывными. Между прежним состоянием и теперешним, конечно, есть существенная разница, но в чем состоит эта разница, если не в том, что вы имеете теперь дело с одним организмом и что раньше вы имели дело с совокупностью организмов?.. Так и все органы представляют только отдельные организмы, соединенные законом непрерывности в одно общее целое».

Но и тут Дидро не довольствуется одним сравнением. В своих «Элементах физиологии» он во всех подробностях устанавливает теорию происхождения органов. Так, он прежде всего доказывает, что чувствительность материи совпадает с тем, что мы называем жизнью органов, подтверждая свою мысль ходячими теперь примерами змеи, у которой содрана кожа и отрублена голова, разрубленного на части угря, сокращений вынутого из организма сердца, подвергаемого уколу. Значит, все части организма обладают чувствительностью. Далее он ссылается на тот пример, что когда между двумя живыми и чувствительными органами находится орган нечувствительный, то чувствительность приостанавливается и промежуточный орган становится как бы телом посторонним. Значит, нужна непрерывность передачи ощущений, и Дидро прибавляет: «Организация обусловливает собою отправления и потребности; иногда потребности влияют на организацию, и это влияние доходит до того, что вызывает подчас появление новых органов и всегда их видоизменяет». Мы видим, следовательно, что каждая особь представляет собою соединение микроорганизмов, находящихся в неразрывной связи, то есть, собственно, является обществом живых существ. Таким образом, Дидро в известной степени предвосхищает и научные изыскания Пастера.

Но в его учении мы находим и все главные основы современной психофизиологии. Между отдельными микроорганизмами существует непрерывная связь: они в

пространстве соединены между собою, и вследствие этого получается то, что мы называем сознанием; во времени они также находятся в непрерывной связи: наши ощущения сцепляются, соприкасаются и порождают память, то есть сознание собственной личности. Что такое воля, как не «последний импульс желания или нежелания, последний результат всего, что человек испытал со времени своего появления на свет божий». Как известно, Кант развил эту мысль и сделал ее основою своей философии. «В человеке проявляется сцепление идей (ассоциация идей, говорим мы теперь); когда же человек от рассуждений переходит к действию, то мы имеем дело со сцеплением отдельных актов, из которых самый ничтожный столь же неизбежен, как восход солнца… Слово „хочу“ – пустой звук… свобода – это предрассудок». К этой мысли он возвращается очень часто. «Мы представляем собою только то, что из нас делает общий строй, воспитание и смена фактов. Все это нас окончательно подчиняет. Живое существо не может действовать без внешнего повода, как коромысло весов не приводится в движение без тяжести. Мотив всегда бывает внешний, нам чуждый, и в заблуждение нас вводит бесконечное разнообразие наших действий в связи с привычкою, приобретенною нами уже в детстве, смешивать поступок произвольный со свободным». Эти воззрения Дидро предвосхищают и всю философию Шопенгауэра о свободе воли: он является одним из самых убежденных и глубоких представителей детерминизма, и его нравственная философия находится в самой непосредственной связи с установленною им философией природы. Рассмотрев последнюю, мы теперь перейдем к первой, то есть к его этике.

Итак, человек создан природою. Те силы, которые породили окружающий нас мнимо неодушевленный мир, вызвали к жизни и мир органический, все разнообразие живых существ, в том числе и человека. Как составная часть всей природы человек подчиняется ее законам, а следовательно, человеческая жизнь во всех ее проявлениях коренится в жизни природы. Если в природе дух и материя сливаются, то сливаются они и в человеке; и в нем нельзя себе представить духа без материи, материи без духа. Базис нашей духовной жизни – жизнь телесная. Разобщать их – значит жить жизнью неполною, значит противоречить природе или насиловать ее. Таким образом сразу получается и понятие о добре и зле: «Человеческие действия обусловливаются природою человека; действие, соответствующее или не соответствующее природе человека, его совершающего, и в нравственном отношении хорошо или дурно, потому что оно удовлетворяет или не удовлетворяет его сущности. Если же предположить, что люди

созданы таким образом, что они не могут жить, не оказывая друг другу поддержки, то ясно, что их действия целесообразны или нецелесообразны, смотря по тому, приближаются ли они или удаляются от этой прямой задачи, и что это отношение их к сохранению рода человеческого придает им характер добра и справедливости, зла и несправедливости, который, следовательно, обусловливается не каким-либо произвольным соглашением, а самою природою человека, ее организацией». Организация же человека такова, что «все, чем он изощряет свои органы, доставляет ему удовольствие; равным образом он находит наслаждение в умственных занятиях, которые его не истощают, в движениях сердца, не отравляемых насилием или ненавистью, в исполнении обязанностей… Если материя направляется силою, то человеческая деятельность направляется удовольствием». Поэтому на страсти отнюдь нельзя смотреть как на нечто дурное, напротив, они ведут нас к счастью. Их следует только направлять разумом, высшею способностью нашего духа, – тою способностью, которая вернее всего приводит нас к счастью. Высший закон для человека, соответствующий его природе, это – счастье, и личный интерес является единственным непоколебимым основанием морали и единственным началом всех добродетелей.

Надо ли указывать, что эта этическая теория Дидро вполне предвосхищает знаменитую теорию Бентама. Но последуем дальше за его соображениями. Дидро не произнес еще слова «альтруизм», но он ясно отметил основное свойство альтруизма, нашедшее себе, например, такое яркое выражение у нашего Добролюбова. Альтруизм – тот же эгоизм. «Самоуважение, одобрение собственной совести – не составляют ли они достаточное вознаграждение за мимолетные выгоды, которые человек приносит в жертву удовольствию пользоваться уважением других». Собственно, мы делаем все только для самих себя, и когда мы приносим себя в жертву, мы только удовлетворяем собственной потребности. Таким образом, личное удовольствие и общественная польза часто совпадают: «Человек, наиболее приносящий пользы обществу, в то же время и наиболее нравственный…» Наиболее добродетельным человеком мы назовем того, который без всякого своекорыстия или подобострастия, не рассчитывая на награду или не опасаясь наказания, направляет свои страсти на служение общественному благу; но это не значит, что человек пользуется нравственной свободой, ибо «что такое добродетель и порок? Человек родится в счастливых или несчастливых условиях; общий поток с неудержимою силою увлекает одного на путь славы, другого – на

путь позора. А стыд, угрызения совести? Все это – ребячество, вызванное невежеством и тщеславием существа, приписывающего себе заслугу или вину вынужденного мгновения». Но хотя человек, поступающий худо или хорошо, не может быть признан свободным в своих поступках, он «тем не менее, подчиняется влиянию подчиняющих его условий. Этим объясняются хорошие последствия наглядного примера, слова, воспитания, страданий, наслаждений и так далее. Этим объясняется сострадательная философия, восхваляющая доброго, но не раздражающаяся против злого более, чем против ветра, который засыпал вам глаза пылью».

Став на точку зрения Дидро, мы должны будем признать, что и его политические идеи строго продуманы и чрезвычайно логичны. Все, что стесняет природу человека, – зло; все, что дает ей свободно развиваться, свободно искать пути к счастью, – добро. В его беллетристических произведениях, носящих более или менее характер публицистический, мы находим прелестную сказку под заглавием «Добавление к „Путешествию“ Бугенвилля». В этой сказке житель острова Таити Ору заявляет миссионеру, что «некогда существовал естественный человек, что в этого естественного человека поселили человека искусственного и что с тех пор в пещере вспыхнула гражданская война, которая продолжается всю жизнь… То побеждает естественный человек, то победу одерживает искусственный. Но в обоих случаях несчастный подвергается бесконечной пытке, постоянно стонет, постоянно страдает, – увлечен ли он фальшивым энтузиазмом славы или же подавлен ложным позором бесчестия». Миссионер спрашивает Ору: «Надо ли цивилизовать человека или дать ему жить согласно своей природе?» Тот отвечает: «Если вы хотите насиловать его, то прибегайте к цивилизации, отравляйте его ядом морали, не соответствующей природе, ставьте ему всевозможные препятствия, лишите его всякой свободы движения, наполняйте его сознание привидениями, которые его страшат, увековечьте войну в пещере, подчините окончательно естественного человека искусственному. Но если вы хотите сделать людей счастливыми и свободными, то не вмешивайтесь в их дела… Взгляните на все человеческие установления, политические и общественные, вникните в них глубже, и если я не сильно ошибаюсь, то вы убедитесь, что род человеческий подчинялся из века в век ярму, установленному меньшинством для своей пользы». Тот же Ору говорит, что нет ничего более безумного, как «клятва в вечной верности двух существ под вечно изменчивым небом, у подножия скалы, которая не сегодня-завтра разрушится, под деревом, которое трескается, на камне, который

рассыпается». Но это только сказка, отчасти поясняющая мысль Дидро и свидетельствующая о том, какое громадное значение он придавал природе. В других своих произведениях он отчетливее формулирует свою основную мысль. Если все, что стесняет человеческую природу, не дает ей свободно развиваться, должно быть признано злом, если человек имеет естественное право добиваться своего счастья всеми доступными ему средствами, если высшим принципом морали является польза, совпадающая с удовлетворением естественных потребностей, то этим определяется и роль общества и государства по отношению к индивиду. Они не только не должны мешать достижению того, что он признает для себя полезным, а, напротив, – содействовать всевозможными средствами обеспечению его счастья. Высшего принципа нет и не может быть. Человеческая свобода в индивидуальном смысле этого слова, заявляет Дидро, простой предрассудок. Но общественная и политическая свобода имеет совсем иной характер: она не предрассудок, она – благо, потому что она дает простор нормальному развитию естественных потребностей человека. Поэтому общественная и политическая организация должны быть таковы, чтобы по возможности предотвратить «гражданскую войну в пещере», которая в политической жизни становится гражданскою войною в буквальном смысле этого слова. Все государственные установления должны быть направлены к тому, чтобы дать простор индивидуальным стремлениям. С этой точки зрения Дидро в целом ряде статей «Энциклопедии» высказывается за свободу слова, признавая ее «неотъемлемым» правом всех двуногих, и вообще за все свободные политические учреждения. Мы и тут не станем подробно излагать «дальнозорких» соображений Дидро и ограничимся одним примером, чтобы выяснить всю глубину его государственных воззрений. Как известно читателям, Дидро составил обширный план системы народного образования по просьбе императрицы Екатерины II. В этом плане прежде всего поражает то обстоятельство, что Дидро предлагает русскому правительству отнюдь не брать за образец французскую систему народного образования, а обращает его внимание на немецкие и английские учебные заведения. Это объясняется преимущественно тем, что народное образование во Франции всецело находилось в руках духовенства, которое превратило его в социальное орудие для достижения своекорыстных целей. Дидро так опасается этого пагубного влияния католического духовенства, что горячо советует императрице «отнюдь не допускать сближения между православною церковью и римско-католическою, ибо это

угрожало бы миру в стране, и было бы очень неосторожно во всех отношениях дозволить, чтобы главою русского духовенства оказался чужеземец». Допустим, что это был совет излишний; но он нас убеждает в том, как глубоко Дидро понял дух католического духовенства и как он верно предусмотрел опасные осложнения, угрожавшие всем государствам от борьбы между правительствами и курией. Гораздо более поражают, однако, те основные принципы, которыми он руководствовался при создании своей системы народного образования. Указав на Германию и Англию как на страны, заслуживающие преимущественного внимания законодателей, он начинает с народных школ. «В протестантских странах нет той деревушки, которая не имела бы народного учителя, и нет крестьянина, который не посещал бы школы. Немецкие помещики утверждают, будто это приводит к сутяжничеству; образованные же люди вообще заявляют, что сколько-нибудь достаточные крестьяне вследствие этого отрывают своих сыновей от сохи и во что бы то ни стало хотят их сделать учеными. Может быть, дворянство недовольно тем, что обученного грамоте крестьянина труднее эксплуатировать, а что касается до второй жалобы, то это уже дело законодателя устроить так, чтобы крестьянин дорожил своей профессией земледельца». В немецких народных школах первым начаткам религии обучают по катехизису. «Было бы желательно, чтобы наряду с этими катехизисами были введены другие, для ознакомления учеников народных школ с основными законами страны, с обязанностями гражданина и наиболее необходимыми сведениями, касающимися общественной жизни». Дидро требует, чтобы это первоначальное образование имело обязательный характер и было даровым. В крайних случаях следует давать беднейшим детям не только необходимые книги, но и пропитание. Таким образом, Дидро предвосхитил не только знаменитые проекты народного образования, составленные Талейраном и Кондорсе, но и касающиеся этого вопроса мероприятия всех просвещенных современных нам правительств.

Второе место в плане Дидро занимают гимназии. Преподавание в них должно начинаться с арифметики, алгебры и геометрии, потому что эти предметы наиболее развивают логическое мышление и дают ему определенность и точность. «Попробуйте обучить детей геометрии, и вы увидите, какая перемена произойдет с народом невежественным и суеверным». Затем следуют физика, география и астрономия, ибо «образованному человеку стыдно ничего не знать о земле, по которой он ходит, или о небесном своде, который он ежедневно видит». Естественные науки изощряют зрение, обоняние, вкус и

память детей. Историю надо непременно начинать с отечественной. Что касается до древних языков, то весьма спорно, заслуживают ли они того времени, которое им посвящается, – и Дидро спрашивает себя: нельзя ли воспользоваться детскими и юношескими годами с большею пользою для учащихся? Тем не менее, он не решает этого вопроса окончательно, но безусловно требует, чтобы преподавание древних языков было значительно сокращено. Изучение классической древности необходимо только для писателей и поэтов; для остальных же сословий польза от него лишь относительная, и во всяком случае грамматикою следует заниматься гораздо меньше, а переводить надо по возможности больше. «Словам придают слишком большое значение; надо больше заботиться о содержании».

Из сказанного видно, что и план гимназического образования, предложенный Дидро, вполне соответствует не только его общефилософским принципам, но и тем требованиям, которые стали постепенно осуществляться в самых культурных странах много десятилетий спустя. Говоря об университетском образовании, он высказывается за большую практичность. Например, он восстает против чрезмерного изучения римского права, которое приводит к тому, что ученый юрист иногда бывает менее сведущ в положительном законодательстве своей страны, чем люди, никогда не изучавшие теории права.

Но не будем входить во все детали предложенного Дидро плана. Дальновидность его в этой сфере государственного управления слишком явно бросается в глаза. То, чего Дидро требовал, отчасти уже осуществилось, отчасти осуществляется, как осуществилась или осуществляется почти вся его политическая программа, изложенная в многочисленных статьях «Энциклопедии». По отношению к его государственным воззрениям повторяется то, что мы отметили уже, говоря о его философии природы. Если он указал истинно научный метод исследования естественных явлений, если он предугадал или уже довольно обстоятельно развил, как мы видели, капитальнейшие естественноисторические теории, как, например, теории происхождения видов, трансформизма, борьбы за существование, наследственности и так далее, если он предусмотрел даже многие практические приложения естественной науки, вроде телеграфа, [1] то и в сфере политической он сделал столь же важные и отчасти поразительные открытия. Весь государственный строй современных просвещенных народов в основных чертах намечен им такою твердою рукой, что его пророческий дар оправдывается и тут, так сказать, по всей линии. Чтобы в этом убедиться, стоит только перечитать соответствующие статьи «Энциклопедии».

Пробегая их теперь, по прошествии более века после смерти Дидро, думаешь, что читаешь строки, написанные просвещенным современником, – так близки его взгляды нашим, настолько его сердце бьется в такт с нашими сердцами, и если мы отказываемся повторить здесь главные мысли Дидро, то потому, что они теперь общеизвестны, хотя были целым откровением для его времени, через посредство «Энциклопедии» послужили могучим толчком к созданию современного нам общественного и политического строя и служат до сих пор главным источником дальнейшего его развития в направлении, соответствующем благополучию большинства людей.

Глава IV. Дидро и искусство

Новые пути. – Беллетристика: общественные тенденции и реализм. – Драмы Дидро и его взгляды на сценическое искусство. – Дидро, Вагнер и Глинка. – Дидро как художественный критик. – Тенденция в живописи

Но Дидро был смелый и гениальный новатор не только в науке, общественных и политических вопросах; не менее решительно было его влияние и на искусство: беллетристике, живописи, скульптуре он также указал новые пути, по которым они движутся до сих пор. Хотя мы под энциклопедистами разумеем многих знаменитых деятелей прошлого века, но в сущности почти единственным полным воплощением энциклопедизма был Дидро, так как по обширности знаний во всех отраслях человеческого мышления, по решительности, с какою он подверг их пересмотру, по верности указанных им новых путей никто с ним не выдерживает сравнения, ни Вольтер, ни Д'Аламбер, не говоря уже о других, менее знаменитых деятелях. В сущности, их называют энциклопедистами только потому, что они принимали участие в «Энциклопедии». Но единственный из них, проложивший совершенно новые пути и естествознанию, и философии, и общественным наукам, и политике, и искусству, был Дидро.

Вникнем теперь в то, что им сделано для искусства. Конечно, и тут Дидро имел предшественников, преимущественно в лице англичан. Но это касается только беллетристики, и то в очень условном смысле; в живописи же Дидро был уже совершенно самостоятельным новатором. Его взгляды на искусство, если отрешиться от деталей, отличаются необыкновенною последовательностью и всецело вытекают из его философских воззрений. Мы видели, что Дидро поклоняется одному богу – природе, что, по его понятиям, только тот общественный и политический строй удовлетворителен, который по возможности меньше стесняет природу человека и дает ей свободно развиваться. Равным образом задачею науки является объективное изучение природы. Искусство, по его мнению, должно также по возможности стоять ближе к природе. Все неестественное должно быть из него изгнано, все естественное в нем законно. Теперь это положение кажется нам общим местом, но во времена Дидро признать его и применить к делу – значило совершить коренной переворот с неисчислимыми последствиями.

Действительно, при Дидро все в искусстве было еще условно. Мы восторгаемся гением Лессинга, указавшего новые пути драме, живописи, скульптуре. Но разве сам Лессинг не заявляет, что если бы не пример и уроки Дидро, то его идеи приняли бы совершенно другое направление и он не написал бы своей знаменитой «Драматургии». В числе знаменитых драматических писателей мы называем Шиллера и Гёте, а между тем они также вдохновлялись примером и уроками Дидро. Кто первый на материке понял величие Шекспира? Вольтер назвал его в конце концов «чудовищем», а Дидро назвал его «колоссом столь великим, что между его ногами все остальные драматурги пройдут, не нагибая головы». Без преувеличения можно сказать, что современный роман имеет своим родоначальником Дидро, что он первый научил в новейшее время народную массу любить произведения искусства, а художников – писать для этой массы, что он установил между нею и ими живую, неразрывную связь, вопреки прежним усилиям разобщить их условностью форм и недоступностью идей.

Остановимся сперва на беллетристике. Дидро учился у Ричардсона и у Стерна, которых он ставил очень высоко. Но почему он придавал им такое большое значение? Основная причина была общественная. Искусство любило заниматься героями, не имевшими ничего общего с обыкновенными людьми, нас окружающими. Ричардсон воспел маленьких людей с их маленькими радостями и страданиями, показал, что и у этих людей бывают трагедии, что в их душах разыгрываются драмы более нам близкие и более поучительные, чем условные трагедии и драмы великих героев. Но общественная тенденция у него еще отсутствовала. Возьмем теперь один из первых романов Дидро, «Монахиню», и мы тотчас же убедимся в громадном общественном значении и новизне сюжета, не говоря уже о своеобразности формы этого произведения. Все декреты национального собрания относительно монашеских орденов уже в принципе предрешены «Монахинею» великого энциклопедиста, написанной еще в 1760 году. Сюжет романа – злоключения простой, незаконнорожденной девушки в монастырях; форма – простая переписка. Какую цель преследовал Дидро, описывая нам жизнь своей монахини? Прежде всего он хотел познакомить читателей с тем, что творится в монастырях. Он сам был хорошо знаком с бытом монастырей, знал и монахов, и картина, которую он нарисовал, наполняет душу читателей ужасом. Монахиня, подвергаемая неслыханным страданиям, попала в монастырь случайно: мать ее хотела скрыть последствия своей ошибки и потому решила удалить дочь навсегда, заключить ее в

монастырские стены. Когда дочь об этом узнает, она отказывается от всякой попытки бежать из монастыря, она приносит себя в жертву матери и, тем не менее, подвергается бесконечным преследованиям только потому, что душа ее к монастырской жизни не лежит. Тут нет ничего сочиненного, все до мельчайших подробностей списано с натуры, и пред нами развертывается картина монастырских порядков, которая заставляет содрогнуться всякого сколько-нибудь человечного читателя. Таким образом, неподкрашенная жизнь, жизнь во всей ее ужасной реальности предстает перед нами, и читатель себя невольно спрашивает: неужели жизнь должна быть такова, неужели есть надобность в этом подавлении, насиловании природы путем нечеловеческих пыток? И, повторяем, этот вывод, которого обойти нельзя, который представляется уму с неотразимой силой, получается у Дидро путем простого изображения жизни, без всяких условностей, без всяких натяжек. Романы Ричардсона теперь забыты, хотя они сыграли важную роль в свое время, представляя одну из первых попыток просто изображать обыденную жизнь. Они, следовательно, не были лишены значения и потому пользовались таким сочувствием со стороны Дидро. Но он прибавил к ним новый элемент, элемент громадной важности: он вложил в роман общественную идею; он сделал роман орудием социального прогресса; разоблачая несовершенства жизни, он указал путь к их устранению. Вот почему такие выдающиеся умы, как Шиллер и Гёте, восторгались беллетристическими произведениями Дидро, никому не известными и хранившимися в его портфелях или в ящиках, куда они случайно попали; вот почему Шиллер поспешил перевести один из романов Дидро, как только он случайно попал к нему в руки, а Гёте перевел другой при таких же обстоятельствах, «вложив в него всю свою душу».

Мы не можем останавливаться на содержании романов Дидро, место нам этого не позволяет; но мы должны отметить общую их идею, должны указать на художественные его приемы, чтобы подтвердить нашу мысль о том, что великий энциклопедист является отцом современного романа. Что такое его «Жак-фаталист»? На первый взгляд – простой сборник разных более или менее потешных или занимательных повестушек. Господин путешествует со своим слугой, и они друг другу рассказывают или выслушивают от посторонних лиц разные побасенки. О значении этих побасенок мы можем составить себе понятие, если остановимся, например, на рассказе о г-же Помере. Это рассказ о возрождении падшей женщины путем любви; это – прототип «Идей г-жи Обрэ» и «Дамы с камелиями». Столь же

интересны, хотя, быть может, и менее значительны, другие рассказы, влагаемые Дидро в уста своих персонажей. Хотя весь тон романа игривый, но мы чувствуем, какое серьезное значение имеют все эти легко набросанные рассказы. А общая идея всего романа? Есть какая-то сила, которая толкает людей, заставляет их действовать так или иначе, делает их добродетельными или порочными. Эта сила – условия, которые нас окружают, которые сложились помимо нас и на которые мы можем воздействовать лишь в слабой степени, если не соединимся, если не поставим перед собой общую цель и совместными усилиями не будем стремиться к ней. Теоретический взгляд Дидро на свободу воли находит себе красноречивую иллюстрацию в его «Жаке-фаталисте», а художественные приемы автора могут во многих отношениях быть сопоставлены с приемами лучших художников-реалистов. Он живописует непосредственно жизнь, с замечательным искусством схватывает характеристические ее стороны; того же приема он придерживается, изображая нам своих героев: иногда он одним метким штрихом обрисовывает личность так, что она, как живая, встает перед нами.

Обратимся к третьему роману Дидро, к его «Племяннику Рамо». Тут те же художественные приемы, используемые еще с большим блеском и поразившие Гёте до такой степени, что он, как мы видели, вложил в перевод этого романа всю свою душу. Но идея романа, если возможно, еще глубже. Автор затрагивает в нем вопрос, который с тех пор поднимался в скрытом виде тысячу раз и постоянно еще заставляет задумываться людей теории и практики. Собственно, Дидро рисует нам только остроумного представителя парижской богемы, неудавшегося священника, музыканта, занимающегося сводничеством, низкопробного импресарио мелких актрис. Человек этот не признает ни религии, ни морали. Вся его философия сводится к тому, чтобы хорошо поесть, хорошо поспать, иметь деньги в кармане, а затем: да здравствует мудрость Соломона! Но этот человек одарен большими способностями. Он внимательно присматривался к жизни и понял, до какой степени условные правила, условные понятия цивилизованного общества препятствуют человеческому счастью. Таким образом, возникает следующий вопрос: если вы в сознании людей уничтожите все, чем держится нравственность, если вы представите себе общество, состоящее из одних Рамо, то что получится – прогресс или регресс? «Не хвалите мне общие принципы морали, которые у всех на устах и никем не соблюдаются… В природе все виды пожирают друг друга; в обществе пожирают друг друга разные сословия… Я был бы добродетелен, – говорит Рамо, – если бы добродетель вела к

достатку, к богатству; но люди хотели, чтобы я был шутом, и я им сделался; если же я был порочным, то это дано мне природою, но говоря „порочным“, я только выражаюсь вашим языком, потому что при ближайшем рассмотрении вопроса может оказаться, что то, что вы называете пороком, я называю добродетелью».

Нам нечего больше настаивать на страшном вопросе, затронутом Дидро: лишите человека веры в нравственный закон, дайте полную волю его страстям, другими словами, уничтожьте цивилизацию, верните человека к естественному состоянию, – что тогда будет? В XVIII столетии этот роковой вопрос был сформулирован в споре между энциклопедистами и Руссо; у нас он составляет фон, на котором разыгрывается борьба между миросозерцанием русского общества, установившимся в шестидесятых годах, и учением графа Л. Толстого. Вопрос еще не решен, и мы долго еще будем трудиться над его разрешением. Но Дидро несомненно был одним из первых, кто, сформулировав его с необычайною философскою силой и с поразительным художественным блеском, позволил нам ясно осознать его.

Заслуги Дидро перед современным романом этим еще не исчерпываются. Он первый между беллетристами начал изображать жизнь обыкновенных людей не в комическом виде, как она изображалась до него, но вполне серьезно, и притом с точки зрения глубокой общественной идеи. Как в драме, так и в романе третье сословие было до него ничем, а после него оно стало всем. Сентиментализм, благодаря которому произведения, например, Ричардсона стали теперь неудобочитаемыми, страсть к морализации, пронизывающая беллетристику XVIII столетия, – все это постепенно исчезает из произведений Дидро. Если он своими драмами заплатил дань этому настроению, если еще его «Монахиня» отчасти им заражена, то в «Жаке-фаталисте» и «Племяннике Рамо» мы с ним почти уже совсем не встречаемся, а в «Двух друзьях» Дидро дал нам образчик реалистической беллетристики, которая приводит в восторг самого Золя. Это простая история двух людей, которые очень привязаны друг к другу, но совершенно бессознательно, не подозревая даже о глубокой своей взаимной привязанности. Автор рассказывает о злоключениях двух друзей так, что вы совершенно забываете о самом авторе, что вам кажется, будто бы вы непосредственно воспринимаете жизнь описываемых им людей. Нигде не проглядывает ни тени симпатии или антипатии. Это своего рода вивисекция человеческой души, всех ее движений, и вы никогда не поверите, что вещь эта написана в такой век, когда более чем что-либо процветали декламация и сентиментализм. Совершенно обыкновенные люди описаны тут с объективизмом, который

сделал бы честь самому бесстрастному ученому исследователю.

Перейдем теперь к драмам Дидро. Они принадлежат к числу самых неудачных его беллетристических произведений. Тут на Дидро оправдалось правило, что художественный критик редко бывает сам выдающимся художником. Если Лессинг очень многому научился у Дидро как у драматического критика, то он, конечно, не вдохновился примером Дидро как драматического писателя. Поэтому мы можем обойти молчанием его две главные драмы «Отец семейства» и «Побочный сын». Если эти произведения имели несомненное влияние на дальнейшее развитие драматического искусства, то только как наглядное воплощение теоретических взглядов Дидро. И по отношению к драме он стремился покончить с разными условностями и возвратиться к природе, к жизни. И тут он является пламенным проповедником той истины, что на сцене следует изображать не только человеческие страсти героев и королей, что и простые смертные, до последнего поденщика включительно, страдают и радуются и что их страдания и радости не менее трогательны, чем страдания и радости ходульных героев. «Как! Вы не понимаете впечатления, которое должны произвести на сцене люди в платье обыкновенного покроя, простая жизнь этих людей, изображение опасностей, которым подвергаются близкие вам люди или вы сами? Потеря состояния, опасение позора, последствия бедности, страсть, приводящая человека к разорению, отчаяние, насильственная смерть встречаются ведь очень часто, и вы полагаете, что они вас меньше тронут, чем сказочная смерть тирана или принесение в жертву ребенка на алтарях классических богов?» В другом месте он говорит: «Я всегда думал, что настанет день, когда в театре будут обсуждаться главные положения морали, без ущерба для быстрого хода действия. Каким могучим средством могла бы стать сцена, используемая для подготовки отмены несправедливого закона или обычая!» Согласно с этими принципами Дидро вывел на сцене простых смертных, и вот почему его драмы, несмотря на указанные нами недостатки, имели в свое время все-таки значительный успех. Напомним только о постановке «Отца семейства» в шестидесятых годах прошлого века. Все парижане пришли в восторг: Мармонтель плакал, Гримм ликовал, Дюкло не помнил себя от радости, а Бомарше впервые осознал тот путь, на который ему следует вступить. Таким же успехом пользовалась эта драма в Италии и Германии. Все почувствовали, что для театрального искусства начинается новая эра, и Дидро поспешил в точности разъяснить, что он вносит нового. Если сцена должна изображать

обыкновенных людей и их жизнь, то прежде всего надо отбросить условный язык, пресловутый александрийский стих и вообще заменить вирши прозою. Но этого мало. Уже в своем рассказе «Нескромные драгоценности», написанном в молодости и действительно очень нескромном, он задается следующим вопросом: «Разве люди когда-нибудь говорили так, как мы декламируем на сцене? Разве принцы и короли ходят иначе, чем те простые смертные, которые умеют ходить? Разве принцессы визжат, когда говорят?» Таким образом, уже тогда Дидро вел решительную борьбу с условностями сценического искусства. Он изложил все свои взгляды на него в замечательной своей статье «Парадокс». Парадокс этот сводится к следующему: «Необыкновенная впечатлительность дает нам посредственных актеров; средняя впечатлительность дает нам по большей части плохих актеров, а полное отсутствие впечатлительности– замечательных актеров». Такой взгляд может показаться сначала несостоятельным. Но вот как Дидро аргументирует свой тезис: «Если актер впечатлителен, то он может, подчиняясь своему чувству, раза два сыграть свою роль с большим одушевлением и даже успехом; но в третий раз он уже утомится и будет холоден. Таким образом, актер, играющий нутром, неизбежно будет неровен: его игра попеременно будет сильна и слаба, вдохновенна и заурядна; сегодня он произведет впечатление, завтра он не будет иметь никакого успеха». Наоборот, если актер играет не нервами, а умом, то он будет всегда ровен; он будет, так сказать, зеркалом, всегда отражающим предметы с одинаковою точностью, силою и правдивостью. Чтобы точнее пояснить свою мысль, Дидро сравнивает актера с поэтом. «Поэт ведь не станет сочинять поэму о смерти в тот момент, когда он теряет друга или возлюбленную; он примется за дело только тогда, когда острая боль уже прекратилась».

Таких метких замечаний встречается очень много в сочинениях Дидро. Они свидетельствуют о том, как глубоко он вдумывался в предмет, и только лишний раз подтверждают всю гениальность его ума. Но все-таки главная его заслуга – восстановление связи между искусством и жизнью. Как он стремился сделать искусство доступным по возможности всем классам общества, видно уже из того, что он с горячностью схватился за мысль о публикации театральных рецензий в «Литературной корреспонденции» Гримма. Он демократизировал театр и первый выступил в качестве серьезного театрального рецензента.

Его заслуги перед живописью еще существеннее. Мы сейчас их коснемся, но считаем своим долгом мимоходом отметить и

новые его взгляды на музыку. «Нелепо, – писал он, – играть веселые песенки в то время, когда зрители находятся под впечатлением смерти возлюбленной короля или утраты им престола и даже жизни». Опера, по словам Дидро, должна быть «музыкальною драмой»; «линия мелодии должна, следовательно, совпадать с линией декламации». Надо ли указывать, что Дидро таким образом ясно формулировал оперную теорию Вагнера, словом и делом проповедовавшего именно, что опера должна быть музыкальною драмой, что музыка должна вполне соответствовать тому, что изображается на сцене. Говоря о русской музыке, Дидро, познакомившись во время своего короткого пребывания в Петербурге с русскими народными песнями, советовал разработать их мелодии, чтобы одухотворить и оживить произведения русских композиторов, – мысль, которую столько лет спустя блестящим образом осуществил Глинка и которую до сих пор осуществляют все позднейшие русские композиторы.

А теперь обратимся к художественной критике Дидро. В настоящее время во Франции некоторые критики, в том числе такие видные, как Брюнетьер, докторально заявляют, что было бы лучше, если бы Дидро вовсе не писал о живописи и скульптуре. Писать о них – дело живописцев, людей, имеющих специальную подготовку, а литераторы должны от этого воздерживаться. Этот вопрос подвергался и у нас неоднократно обсуждению. Если вникнуть в него, то окажется, что он вызван очевидным недоразумением. Писали ли Брюнетьер и другие критики, разделяющие его мнение, романы, повести или драмы? Нет, не писали. А между тем они авторитетно оценивают художественные произведения этого рода. Может быть, если бы они сами взялись писать беллетристику, они создали бы нечто очень несовершенное. Значит, творить и критиковать – две вещи различные. Несомненно, Дидро, когда он принялся писать о живописи и скульптуре, руководствовался тем же побуждением, что и тогда, когда он писал романы, сатиры и повести, драмы и театральную критику: он прежде всего желал демократизировать искусство, воспользоваться им как могучим средством для достижения тех или других культурных целей. Но при его гениальных способностях он вскоре превратился в заправского художественного критика, специалиста, прекрасно уяснившего себе технические стороны живописи, и это подтверждается всем содержанием его «Салонов». Он является истинным отцом художественной критики, предназначенной не только для знатоков искусства, но и для широкой публики. Если бы требовалось доказательство его подготовленности в этом

отношении, то достаточно было бы сослаться на тот факт, что он открыл за несколько лет до своей смерти знаменитого Жака Луи Давида, которого все просмотрели, но который стал родоначальником новейшей школы живописи. Художники его проглядели на выставке 1781 года, а Дидро указал на него как на восходящее светило, как на художника, на которого он возлагает самые светлые надежды. Значит, компетентность Дидро не подлежит сомнению. Но основательнее ли тот упрек, будто бы Дидро любил искусство не для искусства, а для посторонних целей. Приведем только следующий отрывок из его «Салонов»: «О Боже, если Ты убедишься, что богатство развращает Дени, отними у него картины, которые он боготворит, уничтожь их и сделай меня опять бедным. Я все отдаю Тебе, возьми все, все за исключением моего Верне. Да, оставь мне Верне! Не художник, это Ты написал эту картину. Пощади собственное произведение. Взгляни на этот маяк, взгляни на эту башню, возвышающуюся справа, взгляни на это старое дерево, надломленное ветром. Как хороша эта группа, а над нею – взгляни на скалы, покрытые зеленью. Твоя могучая десница дала им очертания. Взгляни на неправильные уступы этих скал к морю. Могло ли их иначе осветить Твое солнце?.. О Боже, признай воду, которую Ты создал, признай ее, когда она бурно вздымается и когда Твоя рука ее успокаивает… Допусти, чтобы эти матросы починили судно, потерпевшее крушение. Благослови их труд, дай им силу и оставь мне мою картину!» За эту картину Дидро заплатил значительную сумму. Это была единственная роскошь, которую он себе позволил в своем чердачном помещении. Говорят, что Дидро ценил только идею и относился совершенно равнодушно к исполнению. Но разве он не издевается постоянно в своих «Салонах» над художниками, у которых больше доброй воли, чем таланта? Разве он не советует им сделаться лучше сапожниками или каменщиками и бросить свои произведения в Сену? «Можно ли приступать к такому сюжету, имея вместо сердца камень? Г-н Бриар, вам лучше тачать сапоги». И как тонко понимал он живопись! Возьмем хотя бы определение границы между поэзией и живописью. Весь «Лаокоон» Лессинга скрыт в следующем высказывании Дидро: «Все, что хорошо в живописи, хорошо и в поэзии, но не наоборот». Дидро поясняет свою мысль наглядным примером. Он берет один из лучших образов Вергилия: величественное появление головы Нептуна над волнами, – и спрашивает, можно ли воспроизвести этот образ на полотне? – и отвечает категорическим «нет». Когда Лессингу пришлось устанавливать границы между живописью и поэзией, он мог сослаться только на этот и другие примеры, приведенные Дидро.

В 1764 году Гримм как-то предложил Дидро написать отчет о прошедшем «Салоне». Последний тотчас же сел за работу и в течение семнадцати часов исписал более 200 страниц. Прочитав их, Гримм пришел в неописуемый восторг. Нужны ли еще другие доказательства глубокой любви Дидро к искусству и не менее глубокого понимания его? Эту любовь он передал своим читателям. Вот отзыв умной современницы, г-жи Неккер: «Картины представлялись мне только наслоением бездушных красок, – благодаря его гению я приобрела новое чувство: теперь краски для меня живут». Сент-Бёв следующим образом определяет значение Дидро как художественного критика: «Он научил французов любить краски через посредство идей». Нам кажется, что Сент-Бёв вернее всех определил значение великого энциклопедиста в живописи. Действительно, можно ли любить краски из-за красок, а не из-за того, что мы ими изображаем. Но если мы любим не самые краски, а то, что мы ими изображаем, если картина производит на нас впечатление, потому что мы любим предмет, на ней изображенный, или потому, что он нам нравится, что он вызывает в нас приятные и дорогие воспоминания, потому что он будит в нас мысль, возвышает нашу душу или поучает нас, – то не правильнее ли сказать, что для большинства людей любовь к искусству совпадает с любовью к известным представлениям или идеям? Художник может наслаждаться исключительно техникою. Что бы ни было изображено на полотне, если оно изображено хорошо, то художник находит в картине удовлетворение или поучение. Но для обыкновенного зрителя картина имеет цену только в связи со своим сюжетом. Эту истину прекрасно разъяснил Дидро. «Представьте себе, что картиною любуются художник и простой любитель. „Какая прекрасная картина!“ – восклицает художник. „Как она ничтожна!“ – скажет литератор. И оба они будут правы». Таким образом, Дидро первый резко поставил вопрос о тенденциозности в искусстве и не менее резко ответил на этот вопрос, сказав, что без идейного содержания для громадного большинства людей искусство не существует. Может быть, это утверждение применимо даже и по отношению к самим художникам. Не видим ли мы в самом деле, что в век Дидро во Франции, например, самые выдающиеся художники были очень тенденциозны. Не говоря уже о Грёзе, рисовавшем картины вроде «Наказания дурного сына», даже Верне вводил в свой пейзаж человеческие драмы, и критика признает, что его произведения имеют литературный характер. Другие художники того времени не брезгали следующими надписями на своих картинах: «Духовенство, или Религия, беседующая с Истиной», «Правосудие,

обезоруживаемое Невинностью и одобряемое Благоразумием». Даже Фальконе, знаменитый Фальконе, создавший конную статую Петра, и тот вложил в руки Дружбе сердце. Не видим ли мы, далее, что в век романтизма нарождается Делакруа и что натуралистическим романам Золя предшествует Курбэ. Один из историков французской живописи поэтому совершенно верно замечает, что «живопись во Франции, несмотря на развитую свою технику, малотехнична, что она говорит не на языке специалистов, а на общем языке идей». Таким образом, развитие французского искусства после Дидро только подтвердило верность его соображений, и мы думаем, что не только история французского искусства, но и история искусства вообще. Каждый век создает своих художников, и если спросить себя, чем они различаются между собой, то ответ получится один: они отличаются между собой тем, чем отличается идейное содержание одного века от идейного содержания другого. Эту истину вполне понял Дидро, и, поняв ее, он стал искать в живописи своего века выражения его идей. Он их искал и находил. Но этого мало: он удивительно умел разъяснить своим современникам то, что он видел, чувствовал, о чем мечтал, находясь перед тем или другим полотном, и, читая его отчеты о выставках, публика также училась ценить произведения искусства, она проникалась серьезным его значением, убеждалась, что оно составляет не забаву для богатых людей, а отзвук тех дум, тех чувств, тех надежд, которыми она сама была воодушевлена. Дидро свел живопись и скульптуру с жизнью, как он свел с нею и науку, и философию, и беллетристику. Он был первым истинным художественным критиком в современном значении этого слова.

Глава V. Дидро и Екатерина II

Дидро как практик. – Продажа библиотеки. – Княгиня Дашкова. – Отъезд из Парижа. – Пребывание в Гааге. – Беседы Дидро с Екатериной. – Взаимное разочарование. – Заслуги Дидро перед Россией. – Последние годы жизни Дидро

Мы старались выяснить, что сделал Дидро для науки, литературы и искусства. Заслуги его, как мы видели, громадны, но само собой разумеется, что наряду со светлыми сторонами в его деятельности встречаются и такие, которые менее могут возбуждать наше сочувствие. Как ни гениален был ум Дидро, он не всегда судил безошибочно: часто он демонстрировал поразительную широту и проницательность, но кое-что упускал из виду, кое-что представлялось ему в неверном свете. В общем можно сказать, что его синтетические способности изумительны, что он обладал необыкновенным даром обобщения, и только благодаря этому дару он мог быть предтечей таких грандиозных теорий, как трансформизм, законы наследственности, половой отбор, борьба за существование, реализм в искусстве и так далее. Но в практическом отношении ум его был сравнительно слабее. Конечно, главное творение его рук – «Энциклопедия» – имело и в практическом отношении неисчислимые последствия. Но то, что он сделал для «Энциклопедии», было все-таки главным образом работой теоретической, и вряд ли Дидро отдавал себе ясный отчет во всех практических последствиях своего грандиозного труда. Для практической деятельности у него не хватало одного: он постоянно ошибался в людях. Да и мог ли он не ошибаться, когда он никого не выслушивал, а всегда сам говорил под напором то и дело зарождавшихся в его голове идей. Напомним только для примера о Мерсье де ла Ривьере, посредственном авторе посредственной книги, которого он рекомендовал Екатерине как второго Монтескье и который на деле оказался дураком, преисполненным самомнения. Таких примеров можно было бы привести немало. Воодушевленный самыми возвышенными и благородными намерениями, он думал, что своим красноречием побеждает человеческие сердца и заставляет других стремиться к тем же целям, к которым стремится он сам. А другие часто только обделывали свои делишки, пользуясь его практической наивностью и доверчивостью. Быть может, отчасти этим обстоятельством объясняется одно из основных его заблуждений в политических делах, – заблуждение, которое,

однако, разделяли с ним очень многие его современники и от которого далеко не свободны и люди нашего времени. Мы говорим о вере в спасительность централизации, об убеждении, что можно создать вполне благоприятные условия для прогресса, для цивилизации путем принятия законов, сочиняемых в центре государства, путем верно рассчитанных правительственных распоряжений. Для Дидро Францией был Париж; по его понятиям, стоило только установить в Париже надлежащие условия для успехов цивилизации, – и все устроится как нельзя лучше и проще. Приведем опять пример, лучше всего поясняющий нашу мысль. Когда Екатерина стала настаивать на приезде Дидро в Петербург, он предложил прислать вместо себя словарь французского языка, составленный по особому плану, именно с исключением всех слов, которые являются следствием разных суеверий, предрассудков, невежества, и с таким толкованием остальных слов, чтобы люди могли «хорошо говорить», а хорошо говорить – значит правильно думать. Этот словарь он предполагал перевести на русский язык в уверенности, что он мог бы сослужить немаловажную службу делу просвещения в России. Может быть, это предложение было продиктовано желанием как-нибудь избавиться от поездки в Петербург, но уже одна мысль, что к подобному предложению могут отнестись серьезно, что можно искоренить в народной массе предрассудки, суеверия и невежественные представления при помощи лексикона, показывает, какое преувеличенное значение Дидро придавал деятельности незначительной группы людей, поставленных во главе правительства или общества. Если бы он дожил до французской революции и увидел ее исход, то убедился бы, как иногда самые светлые начинания центрального правительства терпят крушение вследствие пассивного отпора масс.

Но мы к этому вопросу еще вернемся, а теперь обратимся к изложению жизни Дидро после завершения им основного труда, «Энциклопедии». Главным событием этого периода его жизни, и притом самым для нас интересным, была его поездка в Петербург. Первый том «Энциклопедии», как известно уже читателям, появился в 1751 году, последний, семнадцатый – в 1765-м. Он проработал, таким образом, над «Энциклопедией», если включить годы подготовительной работы, около двадцати лет, хотя принимал участие и в появлении дополнительных томов числом пять, вышедших в 1776–1777 годах, так что в сущности он проработал над «Энциклопедией» 30 лет. Но в 1765 году главная его задача была решена. Вместе с тем и доходы его значительно сократились, а дочь его подрастала, и он был озабочен

приисканием средств для ее воспитания, а затем и для приданого. Вот почему Дидро по окончании «Энциклопедии» решил продать свою богатую библиотеку, в которой он теперь меньше нуждался. Он сообщил об этом намерении своему другу Гримму, который успел познакомиться с Бецким во время пребывания последнего в Париже. Екатерина живо интересовалась Дидро, как и вообще так называемыми французскими «философами». Время, когда в России интересовались преимущественно немцами, когда Лейбниц, Вольф и Пуфендорф составляли для России законы или служили для нее наставниками, просветителями, давно миновало, и в век просвещенного абсолютизма взоры монархов и народов были обращены на Францию, на просветительную деятельность ее писателей и философов. Мы не можем здесь подробно останавливаться на причинах пристрастия Екатерины к энциклопедистам и должны предполагать их более или менее известными. Считаем нужным только отметить, что «Энциклопедия» появлялась в такое время, когда Екатерина задумывала ряд коренных реформ в подвластной ей империи, и что она для этих реформ искала людей, а может быть даже больше чем людей – идей, и с жадным вниманием прислушивалась ко всему, что могло облегчить ее грандиозную и плодотворную задачу. Этим, главным образом, и объясняется то внимание, с каким она относилась к энциклопедистам. «Энциклопедия» была ее настольной книгой, и понятно, что она распространила свое увлечение этой книгой и на главного ее редактора, Дидро. Поэтому когда Гримм через посредство Бецкого довел до сведения императрицы о намерении Дидро продать библиотеку, то пришел следующий ответ: «Сострадательное сердце императрицы не могло без внутреннего волнения отнестись к факту, что философ, столь славный в литературе, поставлен в необходимость принести отеческим своим чувствам в жертву источник наслаждений и товарищей в часы отдыха». Дидро потребовал за свою библиотеку 15 тысяч франков; они были ему назначены, но с тем условием, чтобы он оставался библиотекарем собственной библиотеки с ежегодным содержанием в тысячу франков. На второй год, однако, русское правительство забыло выплатить это содержание, и когда Дидро напомнил о нем, то ему было выдано содержание за 50 лет вперед, так что он за свою библиотеку получил 65 тысяч франков. Воспитание его дочери, следовательно, было вполне обеспечено, и этой суммы могло хватить даже и на приличное приданое.

Так установились отношения между великим энциклопедистом и Екатериною. Императрица обращалась к нему с разными поручениями. Мы знаем, например, что Дидро

поручено было покупать гравюры и картины видных художников для Эрмитажа. Не менее известен факт, что именно Дидро рекомендовал Екатерине своего друга, скульптора Фальконе, для сооружения памятника Петру Великому, идея которого, как в свое время ходили слухи, принадлежит самому Дидро, разделявшему увлечения всех наших великих писателей личностью Петра. Таким образом, между Екатериной и Дидро существовали постоянные сношения. Кроме того, он очень сблизился с нашим тогдашним посланником в Париже, князем Голицыным, и когда княгиня Дашкова приехала в столицу Франции, она имела с Дидро продолжительные беседы, о которых она сообщает в своих знаменитых «Записках». Мы остановимся здесь на одной из этих бесед, так как она составляет как бы вступление к путешествию Дидро в Петербург и бросает яркий свет на отношения, установившиеся впоследствии между великим философом и Екатериною. Однажды вечером Дидро высказал мысль, с которой, как известно, одновременно носилась и Екатерина, – именно о необходимости приступить к освобождению русских крестьян. Княгиня Дашкова старалась разъяснить ему невыгодные для самих крестьян стороны этой реформы. Она сравнила их со слепорожденным, стоящим на скале среди глубоких пропастей. Внезапно врач возвращает ему зрение, и он вдруг видит опасности, которыми он окружен; он не знает, как себе помочь, и в цвете лет становится жертвою отчаяния. Это сравнение, к которому прибегла княгиня, чтобы нагляднее пояснить свою мысль человеку, незнакомому с русскими условиями, глубоко поразило Дидро. Он вскочил с места, начал быстро бегать по комнате, затем с яростью плюнул на паркет и воскликнул: «Что вы за женщина! В одну секунду вы поколебали идеи, с которыми я носился в течение двадцати лет!» В этой беседе ясно выразилось столкновение теоретических и практических соображений. Мы увидим, что и отношения между Екатериною и Дидро точно так же носили этот характер. Может быть, Дидро отчасти предчувствовал, что́ его ожидает в Петербурге, потому что он очень долго не решался совершить поездку и постоянно ее откладывал. Уже в 1767 году он в письме к Фальконе дает торжественную клятву, что не замедлит явиться к своей благодетельнице, чтобы лично ее поблагодарить. Но исполнение этой клятвы откладывалось аж до 1773 года. Дидро жилось в Париже хорошо; в материальном отношении он был более или менее обеспечен, слава его росла, он был постоянно окружен поклонниками, был уже стар: наступал седьмой десяток, – а путешествие предстояло трудное, далекое, по невозможным дорогам, в страну, ему совершенно неизвестную. К тому же и

двор относился с большим нерасположением к путешествию Дидро.

Так, однажды об этом путешествии зашла речь у г-жи Дюбарри, в присутствии короля. «Что ему там делать? – спросил король. – Я не знал, что он так богат». Королю разъяснили, что Дидро совершит путешествие за счет Екатерины, Людовик XV возразил с неудовольствием: «Чего же хочет от него императрица?.. Дидро – посланник клики философов, которые потешают иностранцев на наш счет. Он никогда не был при дворе и расскажет в России всевозможные ужасы о моей частной жизни; он будет клеветать на меня, видя, что это доставляет другим удовольствие… Поистине, что за несчастие быть королем!» Приближенные старались его успокоить и предложили тотчас же арестовать философа. Но Людовик возразил: «Боже упаси! Вы меня поссорите с императрицей. Она желает видеть Дидро; я не могу противиться его поездке, иначе все будут прославлять Северную Семирамиду, как ее называют, а надо мною смеяться. Вообще иностранные монархи относятся очень невнимательно ко мне. Разве я отнимаю у них знаменитостей? Отчего же они лишают Францию выдающихся писателей? Иностранцы всегда увлекались нашими модами и нашими писателями. Пусть они выписывают у нас предметы роскоши, но зачем же лишать нас наших писателей… Нет, пока я жив, этот Дидро не попадет в Академию. И так уже в ней достаточно философов и атеистов».

Значит, в конце концов и двор перестал противиться поездке Дидро в Петербург. Он выехал из Парижа 10 (21) мая 1773 года. Но в Гааге он встретился со своим другом, князем Голицыным; его так заинтересовала страна, он увидел столько нового, что надолго застрял в Голландии. Его любознательность разгорелась, он начал сравнивать новую, только что увиденную страну со своим отечеством, удивлялся, что голландцы так умело и спокойно пользуются свободными политическими учреждениями, удивлялся и преимуществам протестантизма над католицизмом. Все это он изложил в своем чрезвычайно поучительном «Путешествии в Голландию». Кажется, он застрял бы надолго в Гааге, если бы его друг Гримм, находившийся уже в Петербурге, не позаботился о продолжении его путешествия. Приставленный к нему русский камергер Нарышкин усадил его в удобный экипаж и повез в Петербург. Маршрут лежал через Берлин, но Дидро решительно отказался иметь свидание с Фридрихом II. Сердце его не лежало к нему. Судьба Вольтера не поощряла его к свиданию с этим королем; может быть, он считал бестактным посетить монарха, с которым Екатерина находилась не в особенно дружелюбных отношениях. Словом, он миновал Берлин, заболел

по дороге в маленьком прусском городке и только глубокой осенью приехал в Петербург, чтобы тотчас же слечь в постель, разбитый непривычным для него путешествием. Но он скоро оправился, и с этого времени начинаются его почти ежедневные свидания с Екатериной.

Впечатление, которое произвела наша императрица на Дидро, было очень сильным. «Да, я ее видел, слышал, и уверяю вас, что она не понимает, сколько она мне сделала добра. Что за правительница, что за удивительная женщина!» В этом смысле он высказывался неоднократно и устно, и письменно. Трудно сомневаться, что его отзыв был искренним. Екатерина умела располагать к себе людей, умела сделать так, что они в ее присутствии чувствовали себя нестесненными. Дидро она предоставляла полную свободу. Он мог говорить, о чем хотел, как хотел, и имел всегда в лице Екатерины внимательную слушательницу. Она вначале ничем не проявляла, что тяготится беседою с ним. Он брал ее за руку, вскакивал и бегал по комнате, ударял кулаком по столу. «Ваш Дидро, – писала сама Екатерина, – необыкновенный человек: всякий раз после беседы с ним у меня на лядвие оказываются синяки». Значит, Дидро не только ударял кулаком по столу, но в пылу разговора даже фамильярно хлопал императрицу по ноге, и, как она сама пишет, она вынуждена была, чтобы защитить себя от такой яростной жестикуляции, ставить стол между собой и своим собеседником. Великий энциклопедист был очень красноречив. Блестящие идеи зарождались у него в голове то и дело, и, следовательно, нельзя сомневаться, что императрица слушала его охотно. Но иногда спор все-таки принимал запальчивый характер. Однажды императрица внезапно встала и сказала Дидро: «Мы оба горячие люди, постоянно прерываем друг друга и не оканчиваем ни одного разговора». «С тою разницею, – ответил Дидро, – что когда я прерываю ваше величество, я совершаю глупость». «Зачем же так? – ответила императрица. – Это вполне естественно между людьми». Екатерина, следовательно, интересовалась беседой с Дидро. Вот, впрочем, ее собственные слова: «Я часто и долго беседовала с Дидро; он меня занимал, но пользы я выносила мало. Если бы я руководствовалась его соображениями, то мне пришлось бы поставить все вверх дном в моей стране: законы, администрацию, политику, финансы, – и заменить все неосуществимыми теориями. Я больше слушала, чем говорила, и поэтому свидетель наших бесед мог бы принять его за сурового педагога, меня – за послушную ученицу. Может быть, и он сам был такого мнения, потому что по прошествии некоторого времени, видя, что ни один из его обширных планов не

исполняется, он с некоторым разочарованием указал мне на это. Тогда я объяснилась с ним откровенно: „Господин Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что подсказывал вам ваш блестящий ум. Но с вашими великими принципами, которые я очень хорошо себе уясняю, можно составить прекрасные книги, однако не управлять страной. Вы забываете в ваших планах различие нашего положения: вы ведь работаете на бумаге, которая все терпит, которая гибка, гладка и не ставит никаких препятствий ни вашему воображению, ни вашему перу. Между тем я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, а она очень щекотлива и раздражительна“. После этого объяснения он, как я убеждена, стал относиться ко мне с некоторым соболезнованием, как к уму ординарному и узкому. С этих пор он говорил со мной только о литературе, а политических вопросов уже никогда не касался». Из других источников нам известно, что Екатерина неоднократно предлагала Дидро вопрос: как бы он поступил, если бы власть была в его руках? Речь заходила, например, о роскоши, и Екатерина предлагала Дидро вообразить себя правителем. Дидро тотчас же принимался рисовать целый план реформ. Прежде всего он продает все свои поместья, потому что они доходов не приносят, а постоянно требуют больших издержек. Затем он продает и свои пять тысяч лошадей, оставляя не более 200, сокращает дворцовый штат и пенсии разным вельможам. Расходы на армию, флот, посольство также урезаны наполовину, церковь привлекается к участию в общих расходах, откупа отменяются, налоги становятся пропорциональны доходам плательщиков. Он обеспечивает веротерпимость, свободу печатного слова, интересы торговли. После этих реформ, «когда он появляется на улице, народ его приветствует восторженными криками: „Да здравствует Дени I!“ И он кончает жизнь, оплакиваемый всеми, а быть может, его побивают камнями… Но не все ли равно – надо же когда-нибудь умереть!» На основании сведений, которыми мы располагаем относительно бесед Дидро с Екатериною, мы можем прийти к следующему общему выводу: постепенно с обеих сторон произошло охлаждение. Пламенный Дидро верил, что его блестящие предложения будут использованы. Эта вера, как мы увидим, не совсем в нем остыла и после отъезда из Петербурга, но он понял, что лишь ничтожная часть его замыслов будет принята во внимание. Екатерина жаждала практических указаний, а между тем находила в беседах с Дидро только то, что читала уже раньше в его произведениях. Да он и не мог дать ей практических указаний, потому что с Россией был знаком мало. Когда он находился в Петербурге, он проводил время в беседах с императрицей и ее приближенными,

много работал в своем кабинете над составлением разных проектов и планов. Он от души желал отблагодарить императрицу и Россию за оказанную ему поддержку. Свидетельством этому служат его план установления системы народного образования в России, о котором мы уже говорили и который был разработан до мельчайших подробностей, с наведением массы справок, с тою добросовестностью, на какую только Дидро был способен; его «Записка об инструкции депутатам законодательной комиссии», которая была найдена Екатериною в бумагах Дидро уже после его смерти; его план реформы женского образования в России и разные другие заметки и записки, показывающие, как горячо принялся Дидро за дело. Но все это были планы и проекты теоретика, хотя очень просвещенного и гениального. Так взглянула на них и Екатерина и оставила их без последствий. Может быть, они до известной степени, повлияли на законодательные решения, но чрезвычайно незначительно. Не забудем к тому же, что Дидро приехал в Россию и развивал здесь свои теории уже тогда, когда императрица начинала сильно охладевать к широким реформам. При таком ее настроении бурный натиск Дидро не мог уже иметь успеха: он слишком долго медлил с приездом в Петербург и пропустил, может быть, наиболее благоприятный момент. Он отчасти сам виноват в постигшем его разочаровании.

Как бы то ни было, Дидро понимал, что он значительной пользы принести не может. Правда, он неоднократно высказывался в том смысле, что нигде он не чувствовал себя таким свободным, как в стране, которую называют страною рабства. Но эти слова могли относиться только к той свободе, которую ему предоставляла императрица в беседах с собою. Приближенные же императрицы стали сильно коситься на Дидро, видя, что он пользуется расположением Екатерины. Это до известной степени отравляло ему пребывание в Петербурге. Сознание неосуществимости замыслов, с которыми он приехал в русскую столицу, также сильно его расхолаживало, и кончилось дело тем, что он стал скучать и писал своим друзьям в Париж, что им все сильнее овладевает тоска по родине. В конце февраля 1774 года он уехал из Петербурга, не простившись с императрицей, которая сама не пожелала прощальной аудиенции, очевидно, чтобы избежать чувствительной сцены. Не подлежит сомнению, что Дидро сильно привязался к Екатерине как к человеку. Наградила она его очень щедро. После подсчета всех сумм, полученных Дидро и его семейством от русской императрицы, оказывается, что общая цифра достигает 267 тысяч франков, если считать на современную французскую валюту и если включить

сюда путевые издержки.

Цифра эта, конечно, внушительна сама по себе, но кажется довольно ничтожной в сравнении с теми громадными суммами, которые получили деятели, принесшие нашему отечеству гораздо меньше пользы. Правда, как мы видели, многочисленные проекты, составленные Дидро, не получили осуществления, идеи и принципы, которые он так красноречиво отстаивал, признаны были по меньшей мере преждевременными. Но, тем не менее, влияние его на ход дел в России должно быть и в практическом отношении признано немаловажным. Мы уже упомянули о том, что его «Энциклопедия» служила Екатерине долгое время настольною книгой, что она была ее советницей; и то расположение, которое питала императрица к энциклопедистам, выразившееся в таких громких фактах, как переписка, которую она вела с Вольтером, Гриммом, как настойчивость, с какою она приглашала Дидро в Петербург, – служит подтверждением того, что она прониклась их взглядами и идеями. Многое ей показалось по практическим соображениям неосуществимым, осталось в зародыше или неисполненным. Но если принять во внимание общий дух ее государственных реформ, прославивших навсегда ее царствование, то мы убедимся, что этот дух близко соприкасается с идеями энциклопедистов и главного их представителя, Дидро. Таким образом, смело можно утверждать, что великие государственные начинания Екатерины по своей сущности родственны тем идеям и чувствам, которыми были воодушевлены энциклопедисты. Если Екатерина носилась с мыслью об освобождении крестьян, если она посвятила столько забот народному образованию вообще и женскому в частности, если она задумывала и другие не менее широкие реформы в государственном управлении, то кто же решится отрицать, что эти реформы имели источником своим те идеи и чувства, которыми воодушевлен был Дидро? Но этого мало. Дидро был очень поверхностно знаком с Россией, изучил ее, так сказать, с птичьего полета, но у него был гениальный ум, и он во многих сферах, как в науке, как в искусстве, так и в государственном управлении, верно наметил цели, которые осуществляются и доныне, которые все еще кажутся новыми и современными, несмотря на то, что они были сформулированы гораздо более века тому назад. Он мог ошибаться относительно средств осуществления своих планов, относительно момента, когда следовало к ним приступить, но он не ошибался относительно их неизбежной насущности в более или менее близком будущем. Мы не будем касаться здесь самых широких из предложенных Дидро реформ, вроде освобождения крестьян. Но как эта, так и

некоторые более частные реформы, которых мы сейчас коснемся, служат неопровержимым доказательством того, что он верно понял самые существенные государственные потребности России. Не он ли постоянно горячо высказывался за мир, в то время как Вольтер прославлял наши победы? Не он ли разработал план системы народного образования, который, по глубине положенных в его основание принципов, может быть признан, как мы видели, прямо пророческим, так верно он наметил путь, по которому пойдет народное образование во всех цивилизованных странах? В этом плане чувствуется уже не идеолог, не фантазер, а человек, вполне уяснивший себе дух и потребности новейшего времени и даже окружающей нас теперь современности. Возьмем другие его предложения. Не он ли первый указал России, что она должна крайне дорожить тем, чтобы помещики не отрывались от местных задач, выпавших на их долю? Он признавал абсентеизм явлением крайне опасным для страны с такою обширною территорией, как Россия, где из центра управлять очень трудно или невозможно, если в местности нет просвещенных деятелей. Можем ли мы сомневаться в громадном значении этого указания после всех вынесенных нами горьких опытов. И в этом отношении Дидро был пророком. Не он ли, далее, с большою настойчивостью предлагал нашему правительству не скупиться на финансовые жертвы, чтобы снабдить страну надлежащими путями сообщения, видя в них могущественное средство подъема производительных сил, благосостояния и культуры? Не он ли предлагал дать женскому образованию более практическое направление и с этой целью даже указывал на лицо, которое могло бы содействовать этой задаче, на первую выдвинутую им во Франции преподавательницу медицинских наук, доказывая, что знание медицины для женщины как для матери важнее знания многих других учебных предметов? Во Франции ему удалось временно, хотя и весьма неполно, осуществить свою мысль. Там 20 молодых девушек и 100 замужних женщин посещали курсы медицинских наук, которые, впрочем, были вскоре закрыты. У нас предложение Дидро не встретило сочувствия. Оно могло показаться фантастическим. Но в настоящее время мы можем только удивляться проницательности Дидро, за многие десятки лет предусмотревшего нарождение такого важного вопроса, как женское медицинское образование. Если взвесить все нами сказанное, то ни один русский просвещенный человек, конечно, не решится упрекнуть Екатерину за материальную поддержку, оказанную Дидро, или утверждать, что его услуги были оплачены слишком дорого. Напротив, мы все признаем, что подобного рода услуги на вес золота не ценятся, что Франция в лице Дидро

сослужила нам службу, за которую и отдаленное потомство должно быть глубоко ей благодарно.

Если Екатерина щедро вознаградила Дидро за его труды на пользу России, то наш суровый климат отразился очень неблагоприятно на его здоровье. Правда, уже до его отъезда в Петербург жизненные его силы ослабели и прежняя решительность во всем, что он делал, сменилась колебаниями. Но, несмотря на шестидесятилетний возраст, он был еще сравнительно бодр и духом, и телом. Пребывание в Петербурге сильно льстило его самолюбию: одна из могущественнейших правительниц Европы оказала ему почести, каких он на родине, где король ни за что не хотел допустить его в Академию, удостаивался лишь со стороны простых смертных. Но в то же время, как мы видели, Петербург вызвал в нем и немало разочарований. Еще на обратном пути из России, в Гааге, он пишет очень остроумное возражение на посмертный труд Гельвеция, в котором тот доказывал, что у всех людей одинаковые прирожденные способности. По возвращении в Париж он не менее усердно работает над своими «Элементами физиологии» и над «Царствованиями Клавдия и Нерона». Но это уже один из слабейших его трудов, в котором ему постоянно изменяет ясность мысли и уже не заметно следов его гениального ума. Кроме того, его подвижная натура побуждает его заниматься и практическими вопросами, разными изобретениями вроде усовершенствованного печатного станка. Но сам он жалуется, что чувствует себя утомленным, что голова у него не свежа, что ему не хватает новых идей. И действительно, работа ему не давалась, что-то в нем надломилось, сорокалетнее напряжение нервной системы сказывалось во всей силе. Сорок лет он горел, сорок лет он поражал всех, кто его знал, и всех, кто его читал, фейерверком своего остроумия, грандиозностью своих идей. Теперь огонь потухал, оставался пепел. Иногда сверкнет еще яркая искра, но тотчас же погаснет. Прежнего Дидро уже не стало, и он, поработав на своем «чердаке», целыми часами сидит в Пале-Рояле на скамье, погруженный в свои думы, в свои воспоминания, с бессильно поникшей головой, или следит в кафе Регентства за шахматной игрой знаменитого Филидора. Нет уже прежнего Дидро, нет уже прежнего вождя собранной и дисциплинированной им армии борцов за идею, провозглашенную им с такой силой, с таким блеском. Но армия эта не распалась, она и без своего вождя продолжала во всех концах мира совершать свое дело; Дидро мог успокоиться. Он мог сойти со сцены в твердом убеждении, что то, что он начал, будет завершено.

В России он простудился, грудь у него иногда нестерпимо болела, и не только грудь, но и сердце, которое так сильно билось навстречу всему благородному и возвышенному. Под конец жизни этому любвеобильному сердцу судьба нанесла еще жестокий удар. В начале 1784 года не стало Софи Воллан, не стало той женщины, о которой он писал: «Я видел всю мудрость народов и думал, что она не стоит сладкого безумия, внушаемого мне моей возлюбленной. Я слышал их воодушевленные речи и думал, что одно слово из уст моей возлюбленной вызовет в душе моей более сильный восторг. Они изображали мне добродетель, и эти образы меня вдохновляли. Но я предпочел бы увидеть мою возлюбленную, смотреть на нее молча и пролить слезу, осушенную ее рукой». Когда Дидро думал об этой женщине, с его пера срывались описания природы, не уступающие по красоте лучшим страницам романов Руссо. Любовь к ней «блестела в его глазах, придавала огонь его речам, руководила его действиями, проявлялась во всем». «Я начертал в моем сердце образ, который никогда не померкнет. Какую боль я причинил бы ей, если бы совершил поступок, который унизил бы меня в ее глазах». Этой женщины, имевшей столь благотворное влияние на один из величайших умов не только Франции, но и всех стран мира, не стало, и когда Дидро узнал о ее смерти, он, обращаясь к дочери, только выразил желание, чтобы и его жизнь скорее пресеклась. Желание его вскоре исполнилось: он пережил свою Софи всего лишь на пять месяцев. Перед самой смертью он переселился со своего «чердака» в роскошное помещение, нанятое благодаря попечениям Екатерины. Когда ему расстилали удобную постель, он меланхолически улыбнулся, сказав: «Не стоит труда». Одним из последних его изречений были слова: «Первый шаг в философии – сомнение». 20 (31) июля 1784 года он утром встал, вышел к завтраку, съел яблоко; жена обратилась к нему с вопросом, но он не ответил. Жена взглянула на него, его уже не было: перестал работать мозг, подаривший мир столькими новыми и лучезарными мыслями, перестало биться сердце, столь горячо любившее родину и человечество. Перед смертью он выразил желание, чтобы для пользы науки, которой он посвятил всю свою жизнь, труп его был вскрыт. Мозг его сохранил свежесть, как у двадцатилетнего юноши; сердце оказалось увеличенным на две трети против нормального.

Заключение

Подведем итог всему сказанному и постараемся установить в главных чертах значение Дени Дидро. Мы видели, какими блестящими мыслями ему обязаны и естествознание, и литература, и искусство, и политика. Светлый его ум озарял всё новым, неожиданным светом. И, тем не менее, возьмем ли мы естествознание, историю литературы или искусства, государственную или социальную науку, политическую экономию, для которой он потрудился также немало, мы имя Дидро встретим очень редко. Оно упоминается лишь мимоходом, между тем как о других деятелях, в сущности гораздо менее заслуженных, говорится много и пространно. Чем объяснить это странное явление?

Остановимся на следующем поразительном факте. Такие труды Дидро, как «Монахиня», «Сон Д'Аламбера», «Возражение на книгу Гельвеция „О человеке“, „Салоны“, „Парадокс об актере“, были опубликованы и сделались известными лишь много лет спустя после смерти их автора, например „Монахиня“ появилась в 1796 году, то есть спустя тридцать шесть лет после того, как она была написана, „Салоны“ появились в 1798–1856 годах, „Парадокс“ – в 1830 году, „Возражение Гельвецию“ – в 1875 году. До сих пор неизвестно, как „Племянник Рамо“ оказался в руках Шиллера в 1804 году или „Жак-фаталист“ – в руках принца Генриха Прусского. Словом, рукописи Дидро появлялись лишь постепенно, в течение целого столетия, и, следовательно, составить себе ясную картину о выводах, к которым пришел гениальный мыслитель, было очень трудно. Современники знали его, в сущности, мало, за исключением ничтожной кучки людей, непосредственных друзей Дидро, которые ставили его очень высоко, но не сумели разъяснить потомству громадного значения его идей. Большинство современников знало Дидро почти исключительно по „Энциклопедии“, в которой его мысли были выражены далеко не полно, с большой оглядкой и с искажениями со стороны издателя, происшедшими помимо ведения Дидро и не выправленными им, потому что он узнал о них слишком поздно. К тому же самые замечательные мысли Дидро в „Энциклопедию“ вовсе не вошли, а многие по цензурным соображениям вообще не могли быть преданы гласности. Но была еще и внутренняя причина, скрывшая от современников и от ближайшего потомства истинное значение Дидро, и вот эта внутренняя причина, на наш взгляд, заслуживает наибольшего внимания.

Был ли ум Дидро систематичным? Нам кажется, что наш

очерк его идей, несмотря на всю краткость, дает вразумительный ответ на этот вопрос. Противоречий в деталях у Дидро много; можно даже сказать, что его миросозерцание выработалось лишь постепенно и что между Дидро в начале и в конце его деятельности разница большая. Но эта разница вызывается исключительно постепенным генезисом его миросозерцания. Если мы объединим все его труды, примем во внимание их последовательное нарождение, то мы будем поражены стройностью его воззрений на мир, человеческое общество и индивидуальную жизнь каждого человека. Но требуется большая работа, чтобы по отрывочным мыслям, разбросанным в многочисленных и многообразных трудах Дидро, воссоздать умственный его облик. Сам он об этом нисколько не позаботился. Он почти всю свою жизнь прожил в кабинете и тем не менее кабинетным ученым никогда не был, – не был как по своему темпераменту, так и вследствие жизненной задачи, которую он себе поставил. Спросите Ломоносова, почему он от естественноисторических изысканий обращался к одам, к полупоэтическим, полупублицистическим произведениям, а затем бросал лиру и начинал заниматься грамматическими или историческими изысканиями, чтобы вдруг писать проекты государственных реформ, восхвалять стекло или новые пушки? Причина, заставлявшая так разбрасываться сына куростровского крестьянина, заставила не менее разбрасываться и сына лангрского ножовщика. Здесь было отчасти упоение светом знания, отчасти жажда принести пользу отечеству и людям, выйти из мрака векового невежества, векового бесправия, выйти на широкий свет божий; отчасти сознание, что и в голове, и в сердце есть задатки, чтобы понять все и все продумать, что настало время, когда и человек, вышедший из самого скромного звания, может приобщиться к общечеловеческой жизни и в рядах избранных с пользою трудиться для той среды, которая дала ему жизнь; отчасти, наконец, признание своей прямой обязанностью работать для тех, кто рожден в одинаковых с тобой условиях, но не имеет возможности отстаивать свои человеческие права. Видеть миллионы изнывающих в невежестве и не приложить руки к исцелению их недугов, не заглянуть всюду, не взвесить всего, чтобы добиться этой великой цели, – это превышало бы силы заурядных людей, а тем более столь щедро одаренных натур, какими были наш Ломоносов и француз Дидро. Мрак рассеивался перед их умственным взором, и они блаженствовали в потоках осенявшего их света. Вот почему в них такая жизнерадостность, такая энергия. Они знали, для чего живут, к чему стремятся, и им казалось просто преступным не испить чаши знания до дна, не

воспользоваться этими знаниями, где бы они ни скрывались и каких бы усилий ни стоило завладеть ими, для того, чтобы помочь народу, из которого они вышли. Это было не настроение ученого систематика, это был могучий порыв к знанию во имя ближнего.

Стоит только внимательнее приглядеться к деятельности Дидро, чтобы в этом убедиться. Как только он начинает жить сознательной жизнью, он отказывается избрать себе определенную профессию, идет наперекор желаниям горячо любимого отца, обрекает себя на нищету, бездомную жизнь, жертвует достатком и обеспеченной будущностью, чтобы нагромождать в своем уме всевозможные знания. Жажда знания превозмогает все. Почему же он им так дорожит? Откуда эта страсть к науке, это пренебрежение материальным довольством и всеми наслаждениями, которые дает жизнь большинству людей? Было ли это честолюбие? Но ведь год проходил за годом, Дидро ничего не печатал, ничем не обращал на себя внимания, и если печатал, то только разные переводы – с тем, чтобы зарабатывать себе хлеб насущный, чтобы не умереть с голоду. Значит, о честолюбии тут не могло быть и речи. Была какая-то иная сила, побуждавшая Дидро и других молодых людей отказываться в течение долгих лет от благ земных, обрекать себя на жизненные невзгоды, терпеть нужду, голод и холод, не принимать на себя определенных обязанностей, оставаться разночинцами, несмотря на полную возможность жить, как живут все остальные люди. Что же это была за сила? Знание, возможность размышлять над разными философскими и политическими вопросами прельщали их более, чем всякие другие земные блага. Но неужели они дорожили знанием только для знания, неужели такие личности, как Дидро, Д'Аламбер, Руссо, Кондильяк, – вся эта богема, перебивавшаяся изо дня в день, обрекавшая себя на всевозможные невзгоды, руководствовалась одной только жаждой знания, или к этой жажде примешивалось еще другое, быть может, не менее сильное стремление? Стоит только внимательнее присмотреться к их деятельности, чтобы убедиться, что их действительно воодушевляло еще и другое стремление. Они вечно спорили, вечно горячились, в чем-то убеждали друг друга, чего-то искали, что-то проповедовали. Что же не давало им покоя, что волновало их души? Они более или менее ясно сознавали, что несут нравственную обязанность высказать обществу то, что оно само только смутно сознает и не высказывает по многообразным причинам, хотя высказать это надо, должно. В воздухе носятся новые понятия, сердцами овладевают новые надежды, старый строй отживает; надо осмыслить саму эту уверенность в том, что

старое отживает свое время, что новое должно народиться. Этот мучительный процесс требует своих искупительных жертв, требует своих работников и глашатаев, требует людей, которые думали бы за многих и смело возвещали бы в ясных и решительных словах то, что смутно сознается большинством. Одним из самых светлых работников и глашатаев этого рода был Дидро. Он жадно прислушивался к жизни, к нарождающимся новым стремлениям, новым лозунгам и старался дать им выражение, старался осмыслить их. Если спросить себя, что его больше воодушевляло: жажда знания или желание прийти на помощь жизни, – то трудно будет ответить на этот вопрос. Вероятно, эти два стремления были в нем одинаково сильны, потому что он ясно сознавал, что прийти на помощь жизни можно только внося в нее свет знания. В то же время для нас выясняется, почему Дидро не мог быть ученым в собственном значении этого слова, не мог быть и систематиком: он столько же вдумывался в науку, сколько прислушивался и приглядывался к жизни, и если он делал гениальные научные открытия, то только, так сказать, мимоходом, насколько это требовалось для уяснения нового миросозерцания как базиса нового государственного и общественного строя. В сущности Дидро не был ни ученым, ни философом; он был публицистом. И если он навеки вписал свое имя в скрижали науки и философии, то только потому, что был одарен необыкновенным, гениальным умом, который прозревал то, до чего другие додумываются только путем долголетнего упорного труда.

Увлеченный своим стремлением внести свет знания в жизнь, он был блестящим, вдохновенным импровизатором. Он искал базис для нового, целостного миросозерцания и нашел его в своей теории об отношении между материей и духом; он выяснил, как неодушевленный мир превращается в одушевленный, и указал путь Ламарку и Дарвину; он последовательно вывел из нового своего миросозерцания основные начала государственного, политического и социального переустройства и на многие десятки лет предрешил выводы новой государственной науки и социологии; задаваясь вопросом о пользе, которую могут принести обществу литература и искусство, он, согласно своей общефилософской теории, явился первым сознательным защитником реализма в литературе и искусстве, демократизировал их в небывалой еще степени и вместе с тем проложил путь величайшим писателям и живописцам, творившим после него. Высшим законом, которому он подчинил и науку, и жизнь в одинаковой мере, был для него закон природы: всякая философская система должна быть

основана на закономерностях природы, – Дидро, следовательно, является отцом современного материализма. Всякая нормальная политическая и общественная система должна давать простор человеческой природе, – Дидро, следовательно, является провозвестником нового государственного и общественного строя, уравнивающего всех людей перед законом и создающего для них одинаковые условия материального и духовного благополучия; в сфере литературы и искусства он отводит природе ту же преобладающую роль и, следовательно, является первым сознательным реалистом в беллетристике, живописи, скульптуре и музыке. Таким образом, он является представителем миросозерцания, широко распространившегося во всем мире и нашедшего и у нас полное выражение. Если это до сих пор не всеми сознается, если Дидро не отведена в этом отношении подобающая ему роль – роль отца материализма и реализма, – то мы выяснили причину несправедливого к нему отношения потомства. Вместе с тем мы считаем своим долгом отметить, что критика наиболее распространенного сейчас миросозерцания должна начаться с Дидро, что его крупную, гениальную фигуру не сможет обойти тот, кто желает сознательно, добросовестно, со знанием дела рассмотреть основы преобладающей ныне этики, политики и социологии. Быть может, нигде идеи Дидро не распространены так сильно, как в нашем отечестве, и поэтому их оценка имеет для нас, русских, особенно важное значение.

notes

Примечания

1

«Бог знает, не удастся ли этому человеку (математику Камюсу. – *Авт.)* добиться возможности переписываться на расстоянии нескольких сот миль. Вот была бы выдумка! У каждого был бы свой ящичек: эти ящички были бы своего рода маленькими типографиями, так что отпечатанное в одном немедленно передавалось бы в другой».